КРОКОДИЛ

— А я помогу убрать строительный мусор!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

М. СЕМЕНОВ, специальный корреспондент Крокодила

КОГДА ЗВУЧАТ АПЛОДИСМЕНТЫ...

Репортаж из зала заседаний XXIV съезда КПСС

Трудно угнаться за новостями журналисту, представляющему не радио и телевидение, шагающие в ногу с часовой стрелкой, не ежедневную газету, а журнал, которому определен довольно продолжительный период эмбрионального развития, прежде чем он в готовом виде попадет в руки читателя. И тем не менее мы рискнем дать оперативный репортаж из Кремлевского Дворца съездов.

Задача облегчается тем, что автор не намерен комментировать доклады и речи, произнесенные на съезде и уже опубликованные в печати, а хочет лишь коснуться тех мест в ораторских текстах, которые ограничены скобками. Если же говорить точнее, то этот комментарий посвящен расшифровке знакомого всем слова — аплодисменты. Как свидетельствуют словари, «Аплодисменты — это рукоплескания в знак одобрения или приветствия». Подробностей в словарях нет, но мы знаем, что аплодисменты бывают разные: просто аплодисменты, продолжительные, бурные и переходящие в овацию. Стены Дворца съездов, ставшего традиционным местом наших партийных форумов, в эти весенние дни слышали все разновидности этих знаков одобрения и приветствия.

Так вот, значит, оно и было. Корреспондент «Крокодила» сидел в вознесенной почти к самому потолку ложе прессы и внимательно наблюдал, как и чему аплодировали многочисленные делегаты и гости съезда. Не забывая, естественно, и о том, чтобы и самому принять посильное участие в этом плодотворном и симпатичном процессе.

Наблюдать рукоплескания сверху очень удобно. Отсюда ясно видно, как в непроизвольном эмоциональном порыве смыкаются ладони рук, о которых можно без всякой натяжки сказать, что они могут делать все на свете. Да, мы это говорим со стопроцентной ответственностью, так как внизу — в партере, амфитеатре и ложах огромного зала сидели люди, руками которых делается все на нашей советской земле. От снаряжения грозных ракет ядерными боеголовками до выращивания нежнейших роз для букетов влюбленных. Сейчас эти сложенные на коленях руки отдыхали от привычной работы. Но вот с высокой трибуны съезда звучало особенно проникновенное слово, и руки вскидывались, будто готовые к стремительному полету птицы, и раздавалось то, что потом старательный линотипист наберет жирным шрифтом: **(Аплодисменты)**.

Чему же аплодировал съезд?

Вдохновенно и самозабвенно он аплодировал нашим грандиозным свершениям, величию предстоящих задач, славной Коммунистической партии — руководителю и стратегу. Делегаты поднимались со своих мест и стоя приветствовали посланцев братских партий, приехавших на съезд из близких и далеких стран.

Фонограммы радио, кино и телевидения запечатлели много восторженных, радостных оваций, вызванных чувством гордости за все, что сделано нами и что предстоит совершить в годы могучей девятой пятилетки.

Но раздавались на съезде и аплодисменты иного порядка. Приведем для примера один отрывок из стенограммы Отчетного доклада ЦК XXIV съезду партии:

«К сожалению, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — **у нас есть еще члены партии, которые не проявляют себя настоящими политическими бойцами. Сталкиваясь с недостатками и отрицательными явлениями, они делают вид, будто ничего не замечают, придерживаются обывательской позиции — «меня это не касается, пусть об этом думают другие». Встречаются и такие, активность которых носит показной характер, рассчитана на внешний эффект. Они больше других говорят о необходимости взяться за то или иное дело, всегда и всех чему-то поучают, к чему-то призывают. Но как только настает пора практически взяться за дело, они ухитряются оставаться где-то в стороне, в тени. (Аплодисменты)».**

Как же оценить эти аплодисменты? Неужели они прозвучали как одобрение мещанской позиции «невмешательства»? Или в качестве приветствия любителям оставаться в сторонке и во время жаркой боевой схватки искать для себя уютный, прохладный тенечек?

Я чувствую, что такого рода риторические вопросы порадовали бы моих коллег (ничего не поделаешь, профессия у нас одна, хотя методы работы и ее цели абсолютно разные) из западных газет и агентств. С их узколобой, предвзятой точки зрения, на съезде действительно происходили парадоксальные вещи.

Докладчик говорит о людях, руководителях, не понимающих важности всемерного расширения производства товаров широкого потребления, а ему аплодируют.

Он называет безобразием такое явление, когда некоторые руководители, прикрываясь лозунгом коллегиальности, уклоняются от ленинского принципа, чтобы определенное лицо отвечало за определенную работу, а в ответ звучат те же аплодисменты.

Оратор ведет речь о работниках, которые нарушают дисциплину, не прислушиваются к критике, — и снова раздаются не очень понятные на первый взгляд рукоплескания...

Да, в Отчетном докладе Центрального Комитета съезду партии было немало критических замечаний. В нем ясно и недвусмысленно говорилось о горе-работниках в центре и на местах, по вине которых создаются перебои в продаже товаров повседневного спроса.

И о том, что работу в сфере услуг нельзя сводить только к процентам выполнения плана и прибыли.

Что многоступенчатость в управлении может быть ликвидирована лишь тогда, когда решения по большинству вопросов будут приниматься один раз и окончательно, а не перебрасываться из одной инстанции в другую.

И что критиковать надо не только работников, допускающих ошибки, но и тех, кто не использует всех возможностей для развития производства, не проявляет инициативы, живет пассивно.

И в этих местах Отчетного доклада делегаты дружно и горячо аплодировали. Вот факты, над которыми следовало бы призадуматься господам, присягнувшим на верность доллару, фунту и прочим инвалютным единицам. Но только надо предостеречь их от слишком поспешных выводов. Рукоплескания, которые я смог запечатлеть простым визуальным наблюдением, отнюдь не выражали одобрения имеющихся у нас недостатков.

Они одобряли решимость партии, смело вскрывающей их.

Они демонстрировали твердое намерение великого форума партии покончить с этими недостатками, упущениями и ошибками в нашей действительно великой созидательной практике.

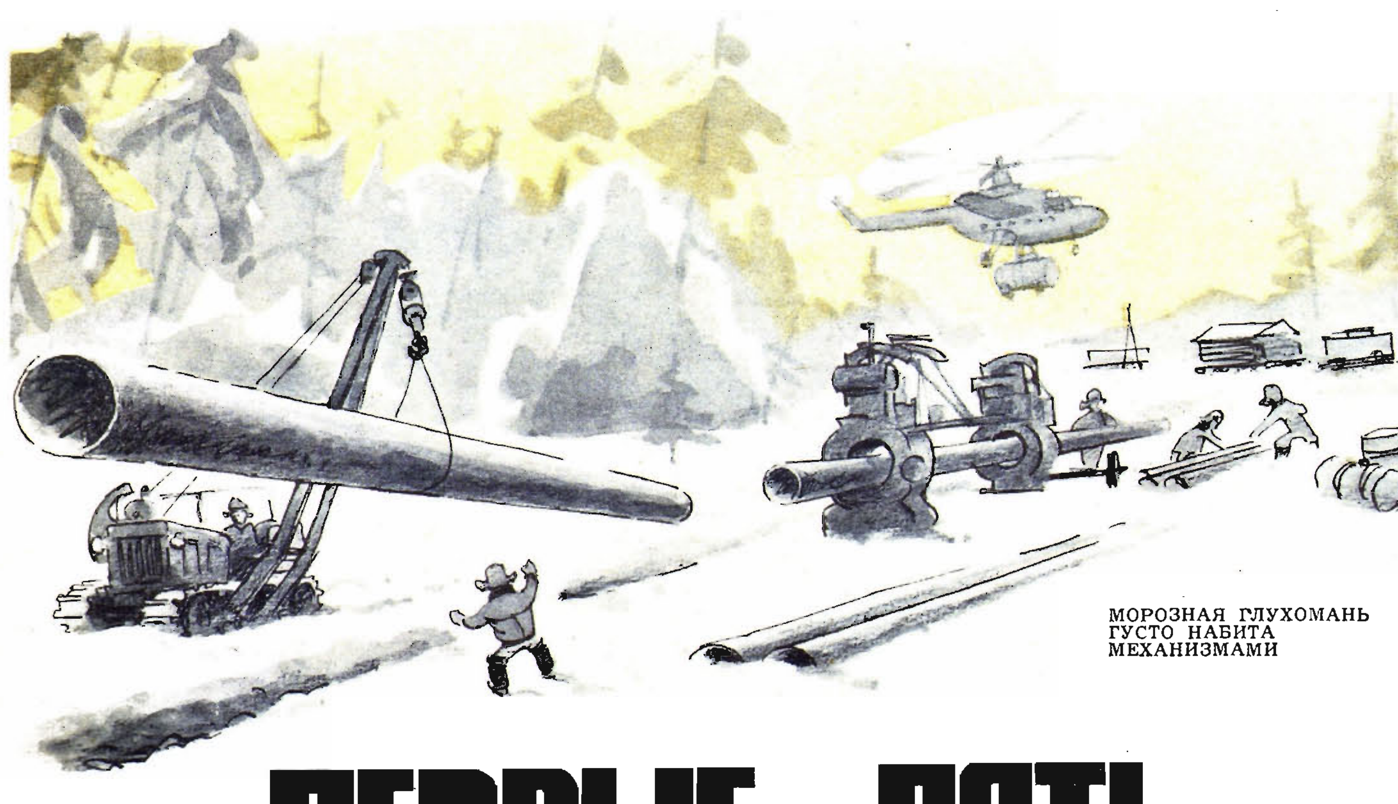
Так вот мне представилось все дело с аплодисментами, когда по заданию редакции я сидел на самой верхотуре Кремлевского Дворца в дни работы XXIV съезда КПСС.

Я слышал, как дружно, словно раскаты весеннего грома, звучали продолжительные и бурные аплодисменты. Я видел, как, подобно молодому лесу, вздымались вверх руки, практически умеющие делать все, что можно и нужно делать сегодня в нашем большом социалистическом народном хозяйстве.

Делегаты съезда аплодировали. Да и сам я, отрываясь временами от своего корреспондентского блокнота, посильно участвовал в этом плодотворном и симпатичном процессе...

Москва, Кремль.

Е. МАТВЕЕВ, Б. СТАРЧИКОВ, специальные корреспонденты Крокодила

МОРОЗНАЯ ГЛУХОМАНЬ ГУСТО НАБИТА МЕХАНИЗМАМИ

ПЕРВЫЕ ПЯТЬ

Человек назвался Груздевым и полез в кузов.

— В ботинках?! — вскричали пассажиры. — А ну дуй обратно!

— А я из Каракумов! — сказал Груздев. Он даже не в ботинки, а в полуботинки был обут. Пальто на нем тоже было полу-.

— Матвеев! — закричали тогда. — Дай ему эту фиговину!..

— С какой стати? — запротивился я. — Какую такую фиговину?

— Сейчас! — отозвался мой сосед, копаясь в рюкзаке. Достал оттуда какую-то шерстяную штуковину и передал Груздеву. Тот снял с головы шапку-пирожок, натянул то, что дали, и это оказалось чем-то вроде шерстяного скафандра: вся голова закрыта, только для глаз отверстие.

— Ты тоже Матвеев? — спросил меня сосед. — На тогда и тебе.

Я тоже напялил на себя штуковину.

Машина покатила к берегу Оби.

— Геологи? — спросил я однофамильца.

— Буровики, — отозвался он. — Из Татарии.

На этом и закончилось наше шапочное знакомство. Машина, дергаясь, шла уже по льду, и стало не до разговоров.

Это была случайная машина из Лабытнанги в Салехард через Надымскую Обь. А попутчики мои были с поезда Москва — Лабытнанги. Семь лет назад это было.

По земле и по воздуху прибывали тогда на Тюменщину геологи, буровики, геодезисты, шоферы, трактористы, повара, строители...

Три недели ездил я по области туда-сюда по своим делам, и всюду попутчиками моими были приезжие нефтеразведчики. А вот потока приезжих репортеров, кинооператоров как-то еще не наблюдалось: не было еще у нефтеразведчиков впечатляюще-ошеломляющих результатов.

И вот в Березове меня вдруг информируют:

— А у нас тут скважина.

— Ну и прекрасно, — говорю.

— А что же вы не спрашиваете, что за скважина?

— Ну, и что за скважина? — спросил я.

— Опорная.

— Тоже ничего, — сказал я.

— А что же вы не спрашиваете, почему мы вас ею заинтересовываем?

— Ладно. Значит, почему это вы меня ею заинтересовываете?

— А вот она тут не на месте! Без прописки как бы! Она в двух километрах отсюда должна находиться, а она тут.

Теперь я, конечно, заинтересовался по-настоящему. А по-настоящему-то оказалось, что даже и в двух километрах было «не тут». «Тут», указанное геофизиками, было еще дальше. Но протащить туда оборудование было так трудно, что начальник партии выторговал точку поудобнее, в двух километрах от поселка, а когда он эту точку выторговал, то и вовсе отчебучил: приказал бурить прямо в поселке. Оборудование никуда тащить не надо, да и на структуру пласта у начальника была своя точка зрения. Вот за слишком свои соображения он свое и получил. Сначала строгий выговор в приказе за самовольство, а потом, когда скважина все-таки дала газ (первый газ Сибири), — благодарность в приказе, а уж совсем потом по многим соображениям он и совсем уж стал лауреатом.

Вообще партизанщины вначале хватало. Обстановка способствовала. Да и сама природа заставляла партизанить. Зимой в тени здесь непременно держится большой минус.

И это большой плюс для срочной перевозки оборудования по окаменевшим болотам.

И минус для речников, потому что баржи порой «примерзают» на зиму в чужом порту.

А это уже плюс для тех, кто «забуривается» поблизости, потому что можно отвоевать часть грузов (все равно ведь застряли) себе...

И из суммы всех этих плюсов-минусов возникают положительные и отрицательные явления.

* * *

Тюменские нефтяники завершили свою первую пятилетку.

Теперь пресса информирует нас часто, точно и с чувством: «Сражение за Большую сибирскую нефть продолжается...» И такие приводятся цифры, что даже корреспонденты Крокодила не удержались от специальной поездки на Тюменщину, чтобы тоже показать эти цифры в достаточно розовом свете. И мы тоже имеем теперь право злоупотребить словом «сражение».

«ОРБИТА» — ГЛАЗА И УШИ ТАЙГИ. СКОРЕЕ ДОМОЙ, СМОТРЕТЬ ХОККЕЙ — ПЕРЕДАЧУ ИЗ ШВЕЙЦАРИИ

Теперь на месте партизанщины уже регулярные части. Если семь лет назад, пролетая над этими краями, летчик обычно видел тайгу или тундру без всяких следов человека, то теперь такой кусок природы в поле зрения уже редкость.

Но по-прежнему — циркуляция приезжего люда, который начинает «застревать» здесь все дольше и дольше, потому что кончается время «партизанских» палаток и бараков, и баракоделы переключаются на обыкновенное градостроительство в нефтегазовых центрах. Рассказывают, как зимой прилетело в Нижневартовский целое семейство из Киргизии. Сел АН-2, из него вылезли папа с мамой, вытащили узлы и чемоданы, а потом на снег повыкатились один за другим семеро сверхъюных сверхутепленных маменькиных сынков и дочек. Это был абсолютно семейный рейс АН-2.

В тайге теперь не только в филиалах институтов и техникумов, но уже и в яслях будущим специалистам растолковывают, что к чему:

— Дяди из КРБ ищут, где бы это посверлить землю для дядей из НГДУ. А дяди-геофизики им подсказывают: «Холодно... Холодно... Холодно... Теплее... Еще теплее. Горячо!.. Горячо!! Обожжешься!!!»

Ну, а что такое КРБ и НГДУ, любой младенец знает и сам: это просто «Контора разведочного бурения» и «Нефтегазодобывающее управление».

И любой младенец сейчас знает слово «Самотлор». Знает, что уж больно могучее там месторождение. Если не из рассказов знает, то уж наверняка из прессы почерпнул.

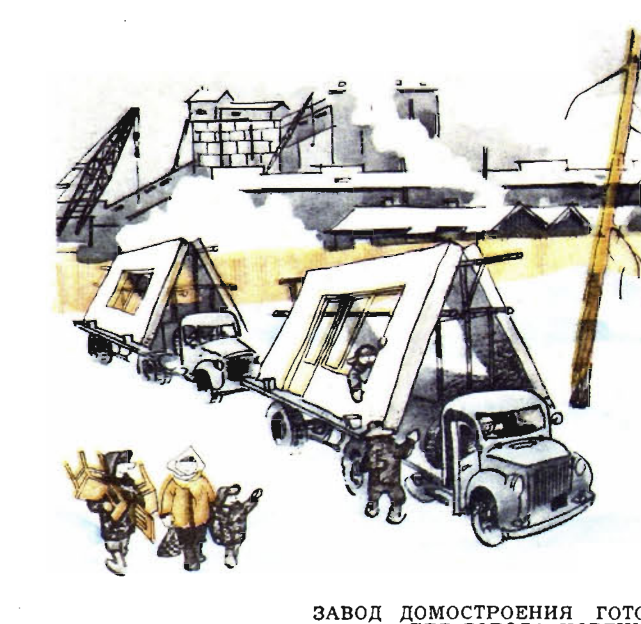
Поэтому мы твердо решили избежать Самотлора, на который постоянно и активно слетаются коллеги-журналисты.

И мы остановились на провинциальном Западно-Сургутском месторождении, которое и цифрами своими не будоражит мировую общественность и вообще уже добуривается.

Прилетели мы в Сургут, добрались до шикарной гостиницы нефтяников и не успели снять пальто, как в соседнем номере раздраженно зазвучало:

— Москва — Радио?!. Москва — Радио?!. Что за черт!..

Отчертыхавшись, голос начал диктовать информацию о «героических буднях сургутских нефтедобытчиков». Потом опять были чертыхания из-за пропав-

ЗАВОД ДОМОСТРОЕНИЯ ГОТОВИТ ДЛЯ ГОРОДА НОВЕНЬКИЕ «ПАЛАТКИ» ИЗ ЖЕЛЕЗОБЕТОНА

шей связи и снова повторные диктовки.

Как оказалось, он очень справедливо чертыхался: за время партизанщины в городе возникла аккурат чертова дюжина коммутаторов, и дозвониться до Москвы так же нелегко, как, скажем, до кинотеатра.

Но, правда, по генеральному плану строительства Сургута скоро вместо них заработает АТС, и тогда информировать Москву будет попроще.

— А то,— сказал нам секретарь райкома Любочкин,— мы в прошлом году два раза узнавали из Москвы, что у нас пущен мощный домостроительный комбинат.

— А что, на самом деле он не мощный?

— Нет, мощный, но не пущенный был.

— А сейчас?

— Только что начал работать.

— Ну, вот мы как раз и порадуем читателей истинным положением вещей.

Однако мы все-таки съездили на комбинат сами, и художник Старчиков, прячась от мороза в машине, отобразил это самое истинное положение вещей.

По буровым мы ездили вместе с начальником лаборатории научной организации труда Фишером. Его обязанность — устранять различные организационные неувязки.

— Как и вы, выискиваю недостатки,— объяснил он.

Мы на этот раз не выискивали недостатков, мы хотели видеть общую картину. В целом. Но раз так, пришлось понаблюдать и общую картину выявления недостатков.

...Буровой мастер Коренной сидел в жарко натопленном вагончике и заполнял какие-то бланки. За окном — заросшая инеем буровая вышка.

Пока они обменивались с Фишером техническими терминами, художник Старчиков принялся делать наброски портрета мастера. Коренной быстро это заметил, смутился, снял очки и сказал:

— Не надо меня рисовать. Я в очках плохо получаюсь. И потом авария у нас...

Но авария эта была стихийной в общем-то. Попался слишком жадный до воды слой, высосал из раствора слишком много воды, глинистая корка сузила ствол, и «произошла затяжка инструмента». Сейчас уже почти все налажено.

...К вышкомонтажникам из бригады Тимченко мы попали, поплутав предварительно по тайге. Столько дорог здесь теперь накатано, что бывалые люди не сразу среди них ориентируются.

Самая, пожалуй, авральная работа у трактористов бывает осенью, когда приходится «утаптывать» болота, терзать их поверхность, чтобы мороз схватил их быстрее и глубже и чтобы раньше можно было волочить по ним нужные тяжести. При этом сами тракторы нет-нет да и тонут, засосанные трясиной...

...Бригада Тимченко толпилась в вагончике у раскаленной печи и следила за разогревающейся тушенкой. Самого бригадира не было — сидел в конторе, закрывал наряды.

— Вчера о вас на радио информацию передавали. Героически, говорят, трудится бригада Тимченко. Подхваченная, говорят, могучими тракторами вышка плавно...

— «Плавно», говорите? — обиделись вышкомонтажники.— «Могучими», говорите? Вчера один такой могучий окоченел насмерть прямо на ходу: почти полсотни градусник показал, вот топливная смесь и загустела. Правда, тракторист принудил свой трактор работать. Полдня под ним валялся, черный весь вылез. Запишите его фамилию — Капинос. Даже обедать не ездил, колбасы мы ему привезли, вот он ее и погрыз. А вообще, тяжелее всего у нас сварщикам приходится. Чуть ветерок — так под маской такое дутье в нос на морозе начинается, что больше десяти минут кряду редко кто и выдерживает...

В это время в вагончик ввалился художник с окоченелыми руками. Так что нет здесь на рисунках вышкомонтажников.

Но это не последняя их вышка: будут еще портреты, тем более что их бригадиру присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Да и «потерпевший аварию» Коренной тоже ведь не одними авариями известен: две медали как-никак и орден имеет за эти самые скважины.

* * *

Как тут ни крути, а и нам хотелось бы приятно ошарашить читателя какой-нибудь цифрищей.

Однако бурятся все новые скважины, и цифры так стремительно уточняются, что если какую-нибудь тут привести, то она за время печатания журнала может, во-первых, устареть, а во-вторых, оказаться заниженной.

Но одну все-таки назовем. Западно-сургутские скважины — это обыкновенные скважины по мировым стандартам. И они же самые хилые на Тюменщине. Тут и в 150 раз мощнее имеются.

Тюменская область.

СЕМЕЙНЫЙ ДЕСАНТ ИЗ КИРГИЗИИ

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

«Несмотря на возникающие острые моменты, игра проходит корректно...»

Устин МАЛАПАГИН, специальный корреспондент Крокодила

ГОРОД МАСТЕРОВ

С КАКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ...

— Ле-ту-ва... Ле-ту-ва... Ле-ту-ва...— стучали колеса фирменного поезда. Звенели бутылки, скажем, из-под «Боржоми». Висел дым и шел спор. Непримиримый, длиной в 944 километра — от Москвы до Вильнюса.

— Нет, что ни говорите, Вильнюс особенно хорош в мае, — сказал Романтик, — когда башня Гедиминаса плывет над городом в облаке из желтых почек, синих теней, запаха весны и птичьего щебета.

— Вильнюс надо видеть только летом и только из байдарки, — отрубил Турист в штормовке.— Лучше всего начинать с Игналины — пройдете каких-то триста километров и увидите знаменитый Жирмунай снизу.

— Если хотите знать, настоящий Вильнюс — это осенний Вильнюс. Вы не представляете, какую телятину «Гинтарас» подают в это время в «Гинтарасе»,— сказал Гурман и горестно вздохнул.

— Известно, что Вильнюс—это двести тысяч квадратных метров первоклассного жилья в год, — возразил Статистик. — Зимой, когда нет листьев, вы можете увидеть все дома одновременно.

— Ле-ту-ва-ле-ту-ва-ле-ту-ва, — фирменно стучали колеса. За окном уютные холмы, поросшие сосняком, пошли гуще, шустрые речки сдвоили петли, раздобыв у неба дефицитные краски. Пейзаж становился неправдоподобно прекрасным, казалось, вот-вот что-то произойдет...

— Поезд № 5 прибывает на первую платформу. Граждане пассажиры, вас приветствует город Вильнюс, столица Советской Литвы!

О ЧЕМ УМАЛЧИВАЮТ ЭКСКУРСОВОДЫ

В 1323 году литовский князь Гедиминас поднялся на безымянную гору, высившуюся у слияния трепетной Вильняле и флегматичной Нерис, и прислушался. В реке поленьями бились пудовые щуки, а сзади тяжело отдувались сопровождающие его лица, подтверждая неприступность выбранного князем места. Вдали по левому и правому берегу серебряной Нерис простирались непроходимые Жирмуне и Антакальнис — идеальные площадки для массового полносборного строительства.

— Ман тинка! — сказал мудрый Гедиминас, что обозначает «Здесь будет город заложен», и повелел в качестве заявки поставить башню. Таким образом, как мы сейчас говорим, вопрос был в принципе решен. Башня Гедиминаса изящной короной увенчала многодумную гору Гедиминаса, положив начало городу Вильнюсу и успешной деятельности вильнюсского туристического бюро.

Хотя первые шесть веков строительство Вильнюса велось без утвержденного Госстроем генерального плана, хотя строители порой не имели специального архитектурного образования, тем не менее врожденное чувство прекрасного, свойственное литовцам, позволило им создать изумительный по силе художественного воздействия Старый город, город-гравюру, город-сказку.

ТАЙНАЯ КОНВЕНЦИЯ

Шли века. Кабриолеты сменились «Волгами», вместо монашек из Острobрамских ворот потянулись загорелые туристы в джинсах и мини. Бородатых лучников сменили бородатые аспиранты. И только город, казалось, не замечал человеческой суеты, сохраняя свой изысканный средневековый облик.

Идиллия была нарушена двенадцать лет назад появлением первой крупной панели. Она победно шла по городам и весям страны, неся с собой небывалое количество квадратных метров жилья и не менее небывалое... однообразие.

Строители говорят: «Хотите видеть Тулу — поезжайте в Барнаул. Хотите видеть Барнаул — поезжайте в Черемушки. Хотите видеть Вильнюс — приезжайте в Вильнюс».

Оставив Тулу на совести туляков, свидетельствуем, что крупнопанельный Вильнюс остался все тем же неповторимым Вильнюсом. Хотите знать, как это произошло?

Все началось с нарушения. Вернее, с тайной конвенции, которая была подписана (а может быть, и не подписана) шесть лет тому назад безвестными тогда зодчими В. Бальчунасом, А. и В. Насвитисами и др.— с одной стороны, и рядовым директором домостроительного комбината С. Любецкисом — с другой. История не сохранила подробностей этой исторической встречи. Одни утверждают, будто участники конвенции собрались на горе Гедиминаса в ночь накануне Ивана Купалы и, обсуждая свои дела, плели венки из арматуры периодического профиля. Другие говорят, что С. Любецкис просто приехал в проектный институт по телефонограмме, и там в рабочем порядке...

Так или иначе, участники договорились: а) улучшить типовую серию 1-464, приспособив ее к условиям Вильнюса; б) построить пробный дом; в) добиться его утверждения, предъявив готовую продукцию, и г) молчать, пока не будут выполнены пункты а) и б).

В чем и поклялись на томе «Строительных правил и норм».

Сегодня этот пятиэтажный дом на улице П. Цвирки — рядовая, затерявшаяся в застройке жилая единица. Но если существует на свете справедливость, то на нем, безвестном, давно не ремонтированном, должна рано или поздно появиться мемориальная доска примерно такого содержания:

«Этот панельный дом сооружен по проекту арх. Т. Тамачавийчуса, А. и В. Насвитисов и инженера Иоффе. Он изготовлен на Вильнюсском ДСК, руководимом С. Любецкисом. С этого дома пошла вильнюсская школа панельного домостроения.

Прохожий! Сними шляпу перед нарушителями инструкции Госстроя!»

Дом был построен, и, к удивлению участников конвенции, ничего страшного не произошло. Город и руководство их поддержали, а республиканский Госстрой даже обиделся: что это за монополия патриотизма! Дали денег, и очень скоро сказка стала былью. За застройку жилого района Жирмунай Б. Касперавичене, Б. Круминс, В. Зубрус и С. Любецкис были удостоены Государственной премии.

МИКРОРАЙОНЫ НА КОНВЕЙЕРЕ

Не менее 30 раз в год к Вильнюсскому домостроительному комбинату подъезжают «Волги», «Рафики» и «ЗИЛы». Из них выходят серьезные люди, они ставят директора к крупнопанельной стенке и просят открыть секрет красоты.

Первое время непривычный к интервью С. Любецкис подробно рассказывал, как комбинат, меняя на ходу оснастку, выпускает до 700 различных видов изделий — от тротуарной плитки до мачтовых опор.

Серьезные люди недоверчиво улыбались.

Когда же директор в заключение заявлял, что архитектура — искусство и, как всякое искусство, требует жертв в виде дополнительных типоразмеров, изделий и отделки, серьезные люди становились еще серьезнее и, сдерживая крупнопанельные выражения, покидали мечтателя, бросая на ходу:

— Ну, дает! Прямо Микеланджело! А как у вас с выработкой?

С выработкой было все в порядке: работу комбината отметили высшей правительственной наградой — орденом Ленина, а вот со временем... Времени не хватало, и ответы директора становились все короче, отформовываясь в афоризмы. Не будет ничего удивительного, если со временем посетителям будет вручаться проспект:

ПАМЯТКА
СТРОИТЕЛЯ-ЖЕЛЕЗОБЕТОНЩИКА

— Не архитектура для нас, а мы для архитектуры.

— Работать не эффектно, но эффективно.

— Недостаточно иметь гибкую технологию, надо еще иметь желание.

— При подборе кадров помни, что в штатном расписании нет такой должности, как хороший человек.

— Из всех видов искусств архитектура больше всего принадлежит народу.

Мы идем по цеху. Четверо ребят устроили перекур у пульта вибростенда.

— Владас, — подзывает одного из них директор. — Прошу тебя, сходи ко мне в кабинет, там в столе в среднем ящике... Знаешь, где средний ящик? Так вот, в нем лежит колода карт. Принеси ее. Вас как раз четверо, и вам скучно.

Над стендом тает дымок. Ребят уже нет.

— Нам говорят,—продолжает директор, — что мы работаем лучше трестов. Но ведь это так мало — работать лучше трестов! Я вам скажу, почему наши интерьеры — не товар. Разве вот эта рама товар? В ней 40 процентов влажности и 40 сучков на погонный метр. Вы думаете, что это плохой горбыль? Нет, это обычный плинтус — продукция нашего поставщика. Кстати, вы не пробовали добиться, чтобы у нас в республике выпускали цокольную полистироловую плитку, которой накрывается бортик ванны? Да, трудно торговать таким товаром. Я имею в виду — замазывать щель цементом...

ГРАЖУОЛИС ВИЛЬНЮС

— Вильнюс останется Вильнюсом, — сказал главный архитектор города Г. Волюшкис, — пока в его новой застройке мы сможем сохранить масштаб, изящество и человечность старого города, найдя новое выражение этим понятиям. Что касается контраста во внешнем виде Старого города и районов новостроек, то он имеет тенденцию к стиранию.

В самом деле, старый город живет новой жизнью. Знаменитые новые кварталы Жирмуная меркнут перед обаятельным и лесистым Лаздинаем.

Над речкой Вильняле строители восстанавливают уникальную боевую башню-форпост барбакан, отразившую немало лихих набегов.

Работа ведется на совесть: в барбакане будут размещены пивной бар и ресторан, старым стенам еще не раз придется выдерживать осаду.

Спускаясь по холмам к подножию горы Гедиминаса, здесь, у тихих вод Нерис, встречаются два потока: средневековый и полносборный Вильнюс. Сливаясь, они образуют единое целое, органическую неповторимую архитектуру сегодняшнего Вильнюса, города мастеров, прекрасной столицы Советской Литвы.

Ильгяусю мято, гражуолис Вильнюс!
Многие лета тебе, красавец Вильнюс!

Елена ЦУГУЛИЕВА

..ни строчки стихов

Рассказ

Ни с того ни с сего притащился соседский парень Антон Клюквин и сказал:

— Ну-ну, мадам...

— Не пройдет,— ответила я,— на «мадам» не отзываюсь. Предпочитаю что-нибудь арабское. Я ориенталистка.

(В этот день я писала фельетон о металломе и, чтобы оживить материал, украшала его всякими витиеватыми словечками из «Тысячи и одной ночи».)

— Так что, луноликий отрок, — продолжала я,— давай без «мадам». А скажем, Лейла-ханум, ситт-Зубейда или, к примеру, какая-нибудь баджи Гуль-Буль. Сумеешь? Иначе я выпаду из стиля.

— Хорошо, ханум, — послушно ответил Антон. — Постараюсь. У меня старшая сестра в Баку замуж уехала... Так вот, бадджи-хаджи, я пришел жаловаться на вашего племянника Аркадия-оглы.

— Эва, накось! — удивилась я, начисто позабыв про стиль «Ориент». — У этого оглы родители есть, им и жалуйся, а я при чем?

— При том. Родители уехали в экспедицию, и он на вашем попечении. К тому же это вы раззвонили всем соседям, что ваш племянник такой-сякой, культурный и вежливый, как никто. А этот интеллигент мне свинью подложил — будь здоровчик.

— Какую свинью? — интересуюсь я.

— Такую. Вы Катю Васильеву знаете?

— Эту белобрысую?

— Угу. Белокурую.

— Знаю. Вызывай племянника на дуэль, а меня оставь в покое.

— Погодите, ханум-пахлава. Тут неизвестно, как сформулировать вызов. И вообще уместна ли дуэль? Я лучше расскажу вам, чорбаджи, как дело было, а вы уж судите сами.

— Валяй, — разрешила я и отложила металлолом в сторону.

— Дело было так, — начал Антон. — Ходили мы всегда втроем: я, Катюша и Аркадий-оглы. И в кино, и в парк, и на японскую выставку букетов. Мы с ним решили, пускай она сама выберет, кто ей по душе. И тогда «третий должен уйти».

— Ишь ты! — прокомментировала я.

— Вот именно. Так вот, ходим-ходим, а она все не выбирает. Одинаково держится, что с ним, что со мной. И мне это стало надоедать. Во всем я люблю определенность и четкость. Чтобы ускорить события, решил немножко себя «приподнять». Ударился в стихи. Читаю всяких модных и начисто забытых поэтов и заучиваю наизусть. Думаю, при случае пущу в ход. Гении помогут.

— В обход пустился,— укорила я его.— Это неспортивно. На грани фола. (Мне подумалось: а не подать ли фельетон о металломе в виде спортивной передачи? Отсюда и реплика.)

— А что было делать, Гульсары? — горестно спросил Антон. — Но слушайте дальше. Настала весна. Теплые дни. Расцвела сирень. И мы отправились в парк посидеть, свежим воздухом подышать, послушать музыку.

Нашли подходящую скамеечку. Сели. Посредине, как всегда, Катя-кызы. Аркадий молчит. Она молчит. Неужели и мне молчать? Я и завел: «Клен ты мой опавший, клен оледенелый...» Он не реагирует, а она говорит: «Хорошо писал Есенин». Тогда я Блока пустил в ход. Осмелел, погромче начал читать: «По вечерам над ресторанами». И она молчит, и он молчит. Он на нее даже не смотрит. Он, видите ли, смотрит на противоположную скамейку.

— А чего он там нашел? — спрашиваю я.

— Ничего. Сидит там девчонка. Книжку читает.

— Интересная?

— Не знаю. Не разглядел названия. Довольно потрепанная.

— Эка тебя! Девчонка, спрашиваю, интересная?

— Ну-у! — обижается Антон. — Нос пуговкой, в веснушках и в очках... А на другом конце скамейки детина примостился. Сразу видно, поддал ради выходного. Морда красная, небритая, патлы висят, костюм жеваный. В общем, глядеть тошно. А Аркадий глядит.

Ну, думаю, гляди. Мне же лучше. Припомнил романс «Не зажигай огня» и запел под сардинку, тихонько.

— Под сурдинку...

— Да, конечно, ханум-лукум... Но они — ни малейшего внимания. Наоборот. Уже и Катюха на ту же скамейку уставилась. А зрелище, прямо скажу, малоприятное. Эта пьяная рожа начал к девчонке приставать. Спрашивает, что, мол, читаешь, цыпа, и так далее. А она молчит и все дальше от него отодвигается.

— Да, — говорю. — Любовь не вздохи на скамейке.

— Именно, баджи Бульбуль. Я говорю своим, давайте уйдем. Ведь противно смотреть на это безобразие. Дурак какой-то хулиганит, а ты на него любуйся.

Тем временем ваш Аркахан и показал себя. Ни слова не говоря, поднялся, подошел к верзиле и дал ему «хук» левой. Верзила свалился и икает. А девчонка книжку в охапку и деру. Тот тоже поднялся и скромно удалился.

— А что Аркашка сказал... мой племянник Аркадий? — интересуюсь я.

— Ничего. Как истукан. Так и не обронил ни единого слова. Сел обратно рядом с Катериной. А на нее и не глядит. Я бы на ее месте...

— А что ты на своем месте предпринял?

— Я сказал: ребята-девчата, теперь уж нас ничто не отвлекает, и я почитаю вам стихи Аполлинера или Артюра Рембо. Их мало кто знает.

Но вот тут Катюша говорит:

— Я уверена, что это отменные стихи. Ты их, Антоша, тут почитай, сколько вспомнишь. А мы с Аркадием пойдем в кино... Пошли, Аркаша?

Они встали и пошли. А я остался, разинув рот, со своим Артюром. «Фу, — думаю, — какая неприятность! Но в чем же дело, мама дорогая?»

— А что Аркадий?

— Так я вам уже говорил, лукум-мадам. Он опять же не сказал ни единого слова, взял Катеринину сумку в одну руку, другую ей подставил, будто какой-нибудь рыцарь. И так под ручку ушли... Спрашивается: в чем тут дело? Почему такое нахальство? Ведь я их ничем не обидел. Не только грубого слова, намека себе не позволил. Столько красивых стихов истратил, и хоть бы хны. Ушла с ним, который вообще молчал и даже не глядел на нее. Он предпочитал смотреть на ту ничтожную и непривлекательную девчонку. И Катя это стерпела.

— Да... — задумчиво сказала я. — Поведение Аркадия, моего родственника, заслуживает самого серьезного внимания.

— Не правда ли, хаджи-баладжи? — обрадованно спросил Антон. — Я так и знал, что вы меня поймете и поговорите с ним.

— Ну, обязательно,— успокаиваю я Антона. — Еще как поговорю. Я ему выдам!

— Выдайте ему как следует. За нетоварищеское отношение ко мне и пренебрежение женщиной, Катькой то есть.

— Я ему скажу: «Дорогой мой племянник Аркадий! Что же ты заодно не дал хорошего леща и Антону?»

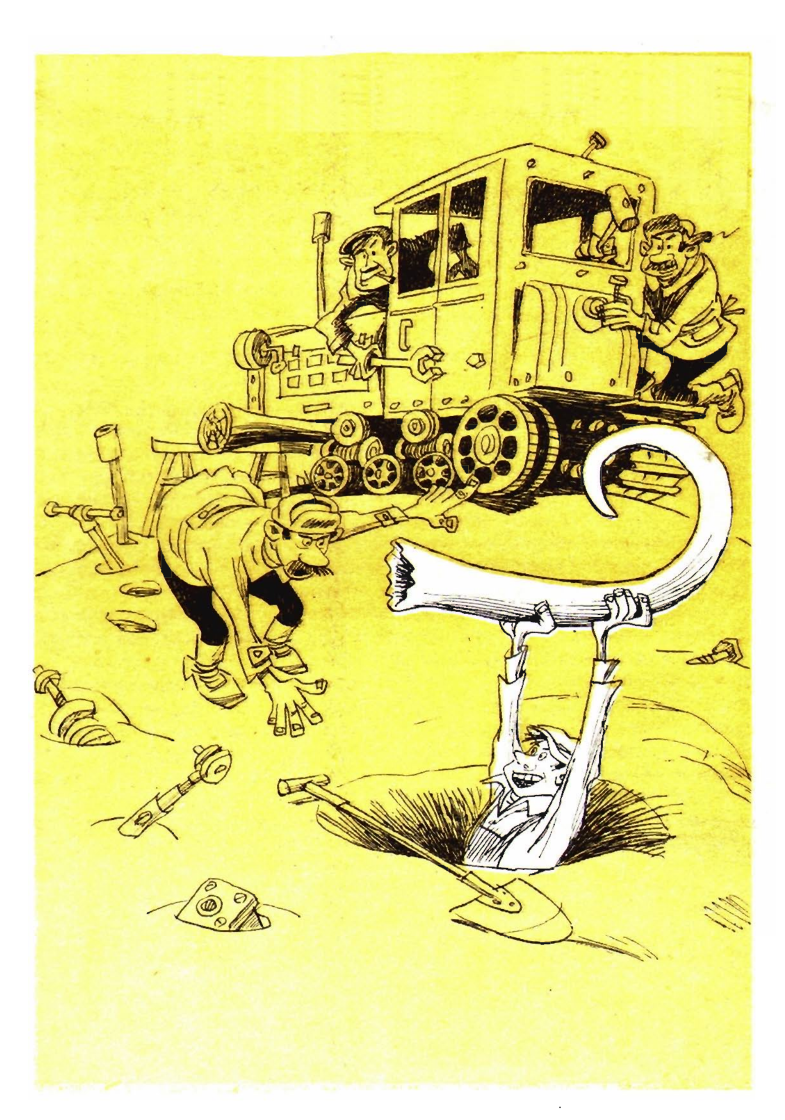
Антон посмотрел на меня как-то тупо и неопределенно. Рот у него открылся нараспашку, и я испугалась, что он сейчас начнет читать мне стихи Франсуа Вийона.

Но этого не случилось.

Он ушел. Не произнеся ни единой строчки из этих бессмертных стихов.

Без слов. Рисунок А. СКОТАРЕНКО

— Братцы, я мамонта нашел!
— Брось! Ищи гусеницу!

Рисунок И. СЫЧЕВА

И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

Нечистая сила

Не верю
ни в бога, ни в черта, ни в бесов,
ни в духов — бесплотных полпредов могилы,
ни в леших — исчадий дремучего леса,
но верю, представьте,
в нечистую силу.
Не в ту, что горазда вертеть табуретки
по зову спиритов в кругу их унылом,
не в ту, что с молитвой наивные предки
из хат изгоняли крестом и кадилом,
а в новую,
в ногу идущую с веком,
которая без бутафорского грома
легко, обернувшись «своим человеком»,
готовит нам козни на службе и дома.

Нечистая сила под разной личиной
упорно толкает на путь искушенья —
то вдруг обернется солидным мужчиной,
то дамой, приятной во всех отношеньях.
За рюмкой винца разглагольствует мило,
и что ни мыслишка, то золото в слитке...
В космический век наш
нечистая сила
куда расторопней сорочинской свитки!
У нынешней — уйма уловок в запасе.
Сто раз исхитрится, обманет. И живо
лазейку найдет к государственной кассе
и дельцем заманит, сулящим наживу.
Иной на крючок попадется
и тут же
мошной обзаводится, в Крезы готовясь...
У тех, кто с нечистою силою дружит,
искать не приходится чистую совесть!

Живет человечек смиренней овечки:
высот не достиг ни в труде, ни в науке.
Но, что недоступно другим,—
к человечку,
как в сказке, плывет в загребущие руки.
И так человечек привык, что не ступит
без умысла куш заграбастать
ни шагу,
прикинувшись ловко не ведьмою в ступе,
а этаким добрым
волшебником-магом.

Нечистую силу не выбить из кона
молитвой, заклятьем, как встарь —
бесполезно!
Куда эффективней креста и иконы
тюремная келья с решеткой железной.
Туда ее!
Нету надежней леченья
от пагубной страсти нажить капиталы.
Пусть та, что поймали, сидит в заточеньи,
но той, что не поймана, тоже немало!
Она продолжает по кругу свой танец,
чтоб совесть у слабых купить за копейку...
Она не уймется. Она не устанет
искать к нашим душам любую лазейку.
Давайте же в души свои,
как в колодцы,
заглянем, проверим: а все ли в порядке!
Где чисто —
там силе нечистой неймется.
Помается — и убежит без оглядки.

Э. ПОЛЯНСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

СТАКАН ГОЛУБОГО ОЗЕРА

Говорят, кое-где домашний скот и птицу пробуют откармливать под звуки тихой, мелодичной музыки. Под музыку, оказывается, лучше жуется, заглатывается и переваривается.

Не берусь высказываться за коров и кур. Тут для объективности суждения надо влезть в их шкуру, в их оперение. Пожевать и поклевать за них под музыкальное сопровождение.

Могу лишь поделиться личными впечатлениями о столовой города Валдая. Правда, питался я там не под музыку. Мне, как едоку с более разнообразными духовными запросами, предложили архитектурно-историческое сопровождение. На красочном во всю стену панно был изображен Иверский монастырь — детище подмастерья каменных дел Аверкия Мокеева. Из глубины веков в сегодняшние общепитовские будни с интересом вглядывались купола Успенского собора, церквей Богоявления, Филиппа и архистратига Михаила.

На фоне этого прекрасного творения рук человеческих хотелось разжевать и усвоить продукт не менее прекрасный.

Но такого продукта в столовой как раз и не было. А был заведующий общепитом Марьян Петрович Бабкевич. Понятное дело, абсолютно несъедобный.

— Знаете ли вы, что Иверский монастырь сооружен по указанию патриарха Никона триста лет назад? — спросил он, подсев за мой столик.

— А скажите, винегрет тоже отзвук далекой эпохи? — поинтересовался я.

— Винегрет — более поздняя поделка,— ответил Марьян Петрович, повертев в руках не съеденный мной на 70 процентов винегрет.— Двадцатый век. Год 1971.

— А месяц, месяц? — трагически спросил я.

— Ах, месяц, месяц! — пропел Марьян Петрович.— Месяц для истории неважен. Важна эпоха.

— Значит, сейчас эпоха прокисшего винегрета? — заключил я.

— Вы же культурный человек,— пристыдил он меня.— Вам для души что — винегрет нужен или исключительно живописная группа монастырских строений? Взгляните на это московское барокко, на эти наличники и порталы, на эти декоративные вставки с растительными мотивами.

— Растительными мотивами сыт не будешь,— рассудил я.— Они малокалорийные.

— Взгляните на собор, который как бы вырастает из низкой, опоясывающей его галереи,— словно не расслышав меня, продолжал Марьян Петрович.

— Взгляните на этот хрящевидный предмет, который как бы вырастает из опоясывающего его супа,— подвинул я к нему тарелку с не съеденным мной на 80 процентов содержимым.

— Какого супа? — зашарил он глазами по панно, как бы пытаясь обнаружить среди куполов и башен намеки на суп.

— Не знаю, какого,— откровенно признался я.— Рассольника, перлового, харчо. По вкусовым ощущениям точно не установишь.

— Кстати, об ощущениях,— вспомнил Марьян Петрович.— Монастырь находится на острове. Вы смотрите на него с высокого валдайского берега сквозь едва заметную дымку, парящую над озером, и вам чудится что-то сказочное, нереальное, почти мираж. Здесь великое былое словно дышит в забытьи...

— Великое,— подтвердил я.— Чего не скажешь о котлетах.

— Иверский монастырь донес до нас неувядаемую свежесть народного творчества,— продолжал он.

— Чего не скажешь о котлетах...— настаивал я.

— Скупыми средствами достигнута величественная гармоническая и возвышенная красота,— отчеканил он, заглянув в справочник для туристов.

— Чего не скажешь о котлетах,— упорствовал я.

— Чего, собственно, о них не скажешь? — не выдержал Марьян Петрович.

— Не скажешь, что они образы большой силы,— выпалил я и показал ему котлеты, не съеденные мной на 90 процентов.

— И это называется представитель интеллигенции! — возмутился Марьян Петрович.— Котлеты ему важнее сокровищ национальной культуры. Да вы только посмотрите, как сияют на куполах подкрестные яблоки!..

— На куполах сияют, а в компоте — отнюдь,— вздохнул я.

— Неужели вас не радуют запечатленные на панно голубые воды озера? — воскликнул Марьян Петрович.

— На панно радуют,— сознался я.— А в стакане нет. В стакане должен быть компот, а не голубые воды озера.

И я показал ему то, что в меню названо компотом. Целехонькое на сто процентов.

— А хотя бы и голубые воды,— подхватил Марьян Петрович.— Считайте, что это фирменный напиток. Истинный ценитель всего исторического и архитектурного выпил бы его с пониманием.

Компот я не выпил. Но кое-что понял. Произведение Аверкия Мокеева не архитектурно-историческое сопровождение, а основное блюдо валдайской столовой. Вам предлагают его на закуску, на первое, второе и третье. Вы утоляете духовный голод. И если памятник старины показался вам безвкусным,— ответственность несет не Марьян Петрович Бабкевич. За это отвечает либо автор панно, либо тот же Аверкий Мокеев.

А за коров и кур я не скажу. Возможно, что калорийность музыки не ниже калорийности сена и зерна. И пора ее сыпануть в кормушки.

Конечно, в этом случае за отсутствие привеса спрашивать надо будет не с животноводов.

Пусть за все отвечают композиторы.

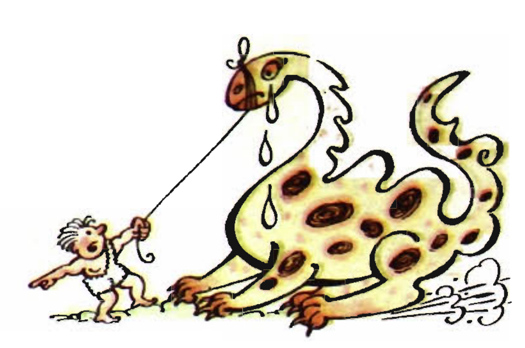
г. Валдай, Новгородской области.

Ю. ФЕДОРОВ

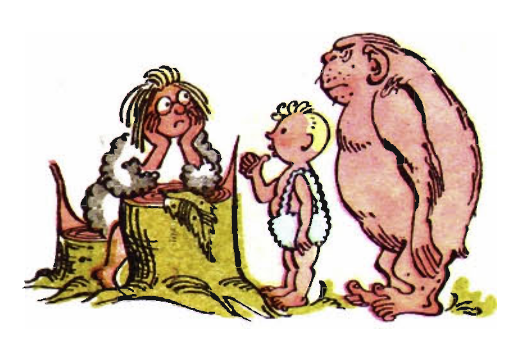

В самый первый раз, в самый первый класс...

— Идем, идем! Я из тебя наглядное пособие сделаю!

— Вы просили привести кого-нибудь из прародителей...

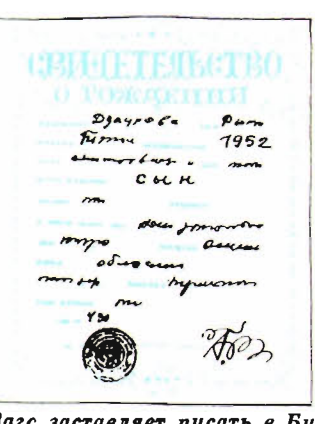
— Ваше время на ответ истекло. Оставляю вас на том же курсе на следующее столетие.

— Опять этот Неистовый Роланд сбежал с урока!

— Защищайтесь!

— Жаль, что баскетбола еще не выдумали, а то Митрофанушку приняли бы в любую академию...

СКАЖИТЕ — КТО ЖЕ Я?

Я родилась в Булаевском районе, Омской области, в 1952 году. А ныне живу в селении Новый Редант, Чечено-Ингушской АССР.

Когда пришло время получать паспорт, мне прислали свидетельство о рождении. Но там было указано, что я не дочь, а сын.

И вот начались мои волнения. Паспортный стол не дает мне документ, посылает в загс. Загс заставляет писать в Булаевский район. Я пишу. Я хожу. А конца не нахожу. История с установлением моего пола тянется третий год.

И третий год я живу без паспорта.

Так не по своей вине я стал тунеядцем... тунеядкой... Фу ты! Сама запутался!

Д. ДЗАУРОВА (ДЗАУРОВ?)

ИГРА-ЗАГАДКА

В занятную игру-загадку играют руководители Ворошиловградской студии телевидения со зрителями. Условия игры довольно просты. Например, если начало передач объявлено на 16 часов 05 минут, следует угадать, когда появится на экране сетка для настройки. Скажем, в 16.05 или в 17.00.
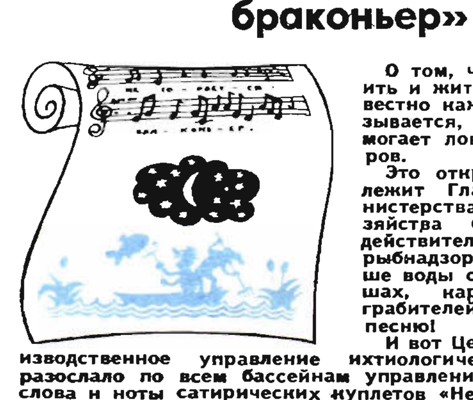
Когда же, включив телевизор, вы слышите: «Дети, вы смотрели художественный фильм «Конек-Горбунок»,— угадайте, много ли детей посмотрело фильм, если на этот день и час программой телестудии никаких передач не предусмотрено.

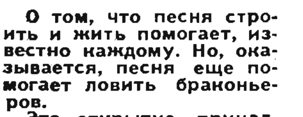
И, наконец, телезрителям предлагается угадать, каково соотношение между чувствами ответственности и юмора у руководителей телестудии, если: 1) в телепрограмме местной газеты напечатано одно; 2) в программе, переданной по телевидению, говорится другое; 3) а на самом деле вы видите на экранах третье...

Но самое занятное в этой игре то, что в проигрыше всегда зритель.

Ст. НИКОНЕНКО

«Не сорвется браконьер»

О том, что песня строить и жить помогает, известно каждому. Но, оказывается, песня еще помогает ловить браконьеров.

Это открытие принадлежит Главрыбводу Министерства рыбного хозяйства СССР. Почему действительно инспектор рыбнадзора должен тише воды сидеть в камышах, карауля речных грабителей? Дать ему песню!

И вот Центральное производственное управление ихтиологической службы разослало по всем бассейнам управления Главрыбвода слова и ноты сатирических куплетов «Не сорвется браконьер». В сопроводительных письмах к нотам значится: «При этом направляется... экземпляров песни «Не сорвется браконьер» для использования в массово-разъяснительной работе по охране рыбных запасов. И. о. начальника ЦИУ С. Лифшиц».

Между прочим, есть в этой песне такие слова:

Есть такие чудо-снасти
В рыбнадзоре, например,
Клюнув раз на эти снасти.
Не сорвется браконьер.

У рыбинспекторов Свердловской области, переславших нам ноты песни, эти слова разжигают зависть: может, и есть где такие «чудо-снасти», да вот до них еще не дошли. Пока их обеспечили только песней.

А. ПЯТКОВСКАЯ

СПАСИБО-58

В наше время культура обслуживания поднялась на такую блистательную высоту, что порой голова кружится, если смотреть с этой высоты в запыленные будни вчерашнего дня.

В Москве, например, в гастрономе «Новоарбатский» кассовые аппараты знаете что делают? Сами подсчитывают сумму, заворачивают покупки, справляются о здоровье покупателя, говорят «спасибо» и, сверкая никелированной улыбкой, просят заходить почаще.

Впрочем, тут я слегка заврался от восторга. Сумму они действительно подсчитывают. И «спасибо» пишут на чеках. А улыбается не сам аппарат. Улыбается кассирша.

— С вас,— говорит,— семь рублей девяносто девять копеечек, пожалуйста — спасибо — будьте здоровы — заходите почаще.

— Пожалуйста,— отвечает гражданка Бабаева, покупательница.— То есть спасибо. То есть, извините, до свидания...

Пришла домой, развернула покупки, а там чеки. И на каждом написано: «Спасибо-58». Очень красиво написано.

Так залюбовалась гражданка Бабаева чеками, что по нечаянности сумму пересчитала. Получилось как раз 7 рублей 19 копеек. Как раз на 80 копеек меньше, чем заплатила.

— Пожалуйста,— говорит она чекам.— Не стоит благодарить из-за такой мелочи.

А сама думает: «ЭКСПО-70» — это понятно. «Айболит-66» — тоже. А почему «Спасибо-58»? Наверно, думает, ошибка какая-то. Наверно, имелось в виду «Спасибо-71». По дате. Или «Спасибо-80». По деньгам.

А. МАТЛИН

ВИЛЫ В БОК

«ЖИЗНИ МОЕГО ВООБРАЖЕНИЯ»

Хорошо было в старину, когда существовали письмовники с готовыми штампами на все случаи жизни. А теперь сиди и ломай голову: как поздравить своих знакомых и что им конкретно пожелать?

Но не стоит отчаиваться. Всегда найдутся добрые люди, готовые облегчить вам жизнь.

В городе Житомире, например, в почтовых отделениях существуют увесистые альбомы с образцами текстов для телеграмм, составленных в лучших традициях дореволюционных письмовников. И тоже на все случаи жизни. Вы хотите поздравить кого-то с днем рождения? Пожалуйста: «ПОЗДРАВЛЯЮ РОЖДЕНИЕМ ЖЕЛАЮ ЖИЗНИ МОЕГО ВООБРАЖЕНИЯ».

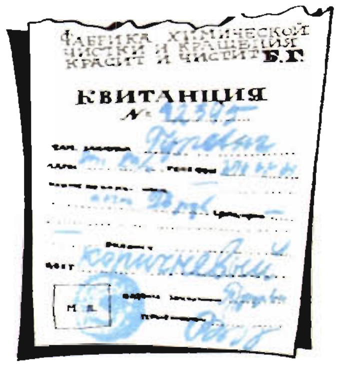
А кто из нас не мечтал получить в день свадьбы такую телеграмму: «НОВОБРАЧНЫХ ПОЗДРАВЛЯЕМ, МИНИМУМ СЛОВ, МАКСИМУМ ПОЖЕЛАНИЙ ЗА ОТСУТСТВИЕ ИЗВИНИТЕ, НА ЗОЛОТУЮ ПРИГЛАСИТЕ»!

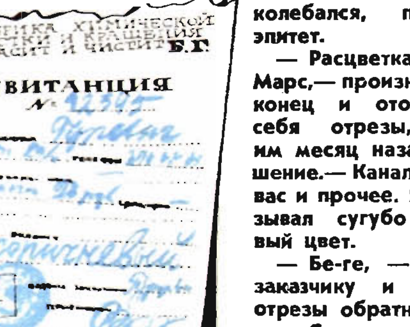
Все как в старину. Только вместо поздравления с вербным воскресеньем, посланного на перекладных, полетят в эфир незабываемые слова: «ЖИЗНЬ НА СЕМЕЙНОЙ НИВЕ ПУСТЬ БУДЕТ У ВАС СЧАСТЛИВОЙ, ДОЛГОЙ, С ТЕЛЕВИЗОРОМ И ВОЛГОЙ, ИНОГДА ВИНОМ ПОРТВЕЙНОМ, БЕЛЫМ, РОЗОВЫМ, СЕМЕЙНЫМ». Или: «ПОЗДРАВЛЯЮ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ТРИДЦАТЬ НЕ БЕДА, СТО — ВОТ ЭТО ДА!»

Вот это да!

Т. ЛОСКУТОВА

«БЕ-ГЕ»

Заказчик А. Гуревич колебался, подыскивая эпитет.

— Расцветка планеты Марс,— произнес он наконец и отодвинул от себя отрезы, сданные им месяц назад на крашение.— Каналы тут у вас и прочее. Я же заказывал сугубо коричневый цвет.

— Бе-ге, — ответили заказчику и подвинули отрезы обратно.

— Я говорю,— монотонно объяснил А. Гуревич,— что я просил коричневый цвет. И в квитанции так написано: ко-рич-не-вый. Посмотрите.

— А мы говорим: бе-ге. И в квитанции так написано. Буква «б» и буква «г». Без гарантии, значит. То есть фабрика химической чистки и крашения за качество работы не отвечает.

— А кто отвечает! — поинтересовался товарищ Гуревич.

— Никто,— ответили товарищу Гуревичу без грубости.— Бе-ге потому что. Инструкция разрешает.

Попросил дотошный заказчик инструкцию, ему дали ее со словом «пожалуйста» и даже перелистать помогли. Не упоминаются в инструкции буквы «бе» и «ге».

— Ну и что! — произнесли на фабрике.— Пропуск в инструкции. Типография, видать, тоже бе-ге работает.

И услужливо подвинули гражданину Гуревичу его отрезы пестрой расцветки «Марс».

Р. К.

г. Александров, Владимирской области.

Е. ДУДАР

НОТ

Директор фабрики детских игрушек Ряпушка был на седьмом небе. Точнее, Ряпушка был в своем кабинете. Только теперь этот кабинет он бы не сменял и на восьмое небо. Точнее, не столько сам кабинет, сколько аппарат с множеством кнопок и голубым экраном.

Ряпушка нажал на кнопку. На экране двое мужчин энергично забивали козла.

— Так, так. Начальник цеха и мастер в рабочее время козла забивают,— грозно сказал Ряпушка.

Виновных как громом поразило. Они притихли. Потом, прикрывая руками домино, стали озираться вокруг.

Ряпушка нажимал кнопку за кнопкой:

— Мацко! Мацко! Следите за верстаком, а не за коленками соседки...

— Иван, вытяни-ка бутылку из-за ящика! Не пустую, а полную...

— Берчик! У вас что — работа между перекурами или перекуры между работой?

— Новенький! Новенький в клетчатой рубашке! Вы вытачиваете матрешек или пестики для ступок?

— Карл Иванович! Склад не санаторий, а место работы. Проснитесь и откройте дверь...

Ряпушка выключил аппарат. Погладил его по серебристой поверхности:

— Вот тебе и научная организация труда...

Зевнул, даже скулы затрещали. Снял телефонную трубку. Набрал номер:

— Привет! Как ты там? Руководишь? Все дедовскими методами? А у меня кибернетика. Научно организованное руководство. Отхватил такой аппарат, что каждый уголочек фабрики как на ладони. Тебе достать? Да что ты! Это единственный аппарат в своем роде. Мне его знакомые ребята сконструировали. Что скажет директор фирмы? А теперь он мне не будет мораль читать, что я не бываю в цехах, не знаю, где что делается, не вникаю в производство. Теперь я его боюсь, как прошлогоднего снега. Да и вообще неизвестно, что может случиться. Может быть, он сядет на мое место, а я займу его. Теперь я перед любой комиссией сдам экзамен. Теперь в случае чего Ряпушка ему покажет во...

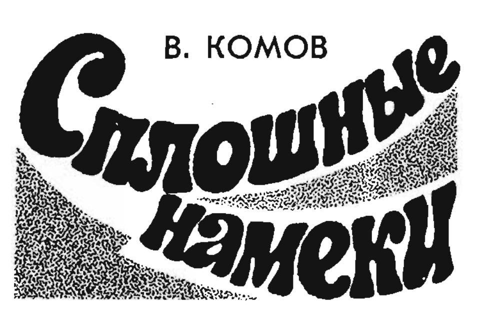
Директор сложил три пальца левой руки и поднял их к потолку.

Вдруг откуда-то, то ли с потолка, то ли из-за стены, прозвучал голос директора фирмы:

— Товарищ Ряпушка! Несолидно! Несолидно при научной организации труда кукиш показывать...

Перевод с украинского А. ШВЕЦОВОЙ.

В. КОМОВ

Когда телятница Абросимова исполнила романс «Пара гнедых», бригадир Поваренков вынул из брючного кармана блокнотик и стал что-то записывать.

Концерт был в самом зените. Члены бригады горячо аплодировали самодеятельным артистам — своим односельчанам. А Поваренков продолжал делать пометки. При этом он осуждающе смотрел в сторону улыбающегося комсорга колхоза Алексеева: «Затеял все это и радуется...»

Назавтра бригадир принес в партком колхоза заявление:

«Прошу обратить внимание и принять соответствующие меры к нашему комсоргу. Он организовал самодеятельный концерт из сплошных намеков, чтобы при всем народе, то есть при моих подчиненных, подорвать в самом корне мой авторитет. Вот конкретные факты-примеры. В песне «Пара гнедых» говорится про «тощих, голодных и грустных на вид» лошадей. Вроде бы о старине, а на самом деле о нашем бригадном конепоголовье. Сам знаю, что от недосмотра и пьянства конюха Гаврилыча кони почти доходягами стали. Но зачем же афишировать это со сцены да еще в предпраздничный день? В другом стихотворении под музыку излагается про «поле чистое, изукрашенное цветочками». Конечно, летом был зафиксирован факт зарастания отдельных посевов сорняками. Выходит, опять старое вспомнили.

Обидно было слушать также факты-примеры про «дороги, пыль да туман» и старорежимные выражения «Эй, ухнем! Эй, ухнем! Еще разик, еще раз!». Малолетке и то понятно, что все это подковырки: одни намекают на неотремонтированный участок дороги от бригады до автотрассы, вторые — на плохую механизацию фермы. Может, это и правильно, но к чему несолидная критика под гармошку и пианино?

А еще самозваные артисты исполняли, видать, тоже по заданию:

«Позарастали стежки-дорожки, где проходили милого ножки».

Намек: редко бываю на стройке нового коровника.

«...А в лугах трава не скошена».

Намек: припоздал с сенокосом.

А под конец самодеятельность вовсе распоясалась и запела:

«Не бушуйте, ветры буйные,
Перестаньте выть, осенние!
Не к тому ли вы бушуете,
Чтобы стоны заглушить мои?»

Намек: плохо подготовился к зимовке скота. Коровы и свиньи, мол, начнут выть и стонать, то есть мычать и хрюкать, от нехватки кормов.

Все эти факты-примеры приведены не к месту и не ко времени. Люди собрались попраздновать, культурно отдохнуть, им же под разными подливами критику на непосредственного руководителя подсовывают. А зачинщик всего перечисленного комсорг Алексеев сидел и ехидно ухмылялся. И это называется уважение к старшим?! Прошу разобраться и сделать выводы».

Открылась дверь, и вошел Алексеев.

— На ловца и зверь... На, изучи.— И, чуть приметно улыбнувшись, парторг колхоза Калмыков протянул заявление бригадира.

Комсорг прочитал и заметил:

— Честное слово, не думал, не гадал, что наш безобидный концерт вызовет у Петра Семеновича такую здоровую самокритику...

г. Воронеж.

ВЫХОДИМ НА СВЯЗЬ

Дорогой Крокодил!

Одна моя знакомая была в командировке в гор. Целинограде и смотрела там пьесу В. Бродова «Преступление Елены Гальковской». Я тоже поинтересовался этой пьесой и диву дался: как такая чепуха идет в театрах?! Не поймешь — то ли это детектив, то ли мелодрама. Может быть, расскажете на страницах журнала, что это за пьеса и какая у нее мораль?

И. МИЛЮТИН, автотехник

г. Ишимбай.

Да, уважаемый тов. Милютин, это не детектив. И начинается пьеса не с выстрелов в затемненной и пустой квартире, а с криков роженицы в роддоме. Собственно, добрая часть первого действия идет под эти крики. Зритель сразу понимает, что смотрит серьезное произведение, имеющее цель потрясти.

Теперь маленько о содержании. Дело в том, что та женщина, которая кричит — ее фамилия Егорова, — если сейчас родит мертвого ребенка, уже никогда стать матерью не сможет. Организм у нее слабый, застарелая стенокардия... Между тем муж ее под окнами роддома ждет. Он хочет только своего ребенка и не желает брать на воспитание чужих детей. Нет, он не деспот, просто человек заблуждающийся.

Кроме того, в роддоме есть еще другая женщина — ее фамилия Бакушева. Она, по меткому выражению героини пьесы Елены Гальковской, нехотя родила живого ребенка. Так вот она, нехотя свершив такое, так же нехотя берется исполнять родительские обязанности. Вернее, она вовсе отказывается от всяких обязанностей. Когда зритель узнает обо всем этом, Егорова уже родила мертвого ребенка. И тут все понимают: час героини пробил! Она должна сделать такое, чтобы восхитить весь партер, ложи бенуара, амфитеатр и галерку. Гальковская поступает необычайно находчиво: она переписывает бакушевского живого ребенка на Егорову, а егоровского мертвого — на Бакушеву. И никому ничего об этом не говорит, кроме медсестры Стацюк. Конечно, ложи, партер, ярусы и галерка в восторге. Все одобрительно думают: с ней бы мы пошли в разведку. Такое единодушное мнение всегда является праздником для драматурга. Значит, завязка верная. Теперь можно перейти к перипетиям.

У Егорова, который думает, что у него свой ребенок, есть начальник Лановой, необычайной души человек. А у самого Егорова в подчинении находится Бакушева, чей ребенок условно является сыном Егорова. Но никто из персонажей об этом не знает, все в неведении, кроме, конечно, зрителя. Гальковская познакомилась с Лановым, и он ей понравился. Понравился не потому, что такова судьба всех героинь, когда они знакомятся с героями. Нет, Лановой очень тонкая, высокоорганизованная натура. Он легко ранимый человек. Это становится ясно хотя бы из такой сцены объяснения.

ЛАНОВОЙ (с вызовом, решив, что ему уже нечего терять). Я солгал. (Честность.) Я нарочно поджидал вас... (Искренность.)

ГАЛЬКОВСКАЯ. Расчетливая откровенность? (Проницательность.)

ЛАНОВОЙ. Рассчитываю на одно лишнее очко за искренность. (Идет ва-банк.)

ГАЛЬКОВСКАЯ. А два очка я скину за хитрость. Прощайте. (Блефует.)

ЛАНОВОЙ (с грустной улыбкой). Отбрила — первый сорт! Так тебе и надо, нахал... (Образумился!)

Герои расходятся в разные стороны, но ненадолго. Сильное чувство толкает их на новые встречи. Лановой становится менее обидчив. Гальковская — все более покладистой. Счет очкам растет. Словом, все сложилось бы хорошо, но у Бакушевой вдруг просыпаются рудиментарные материнские чувства. Она хочет видеть сына. Эта «косметика ходячая», по выражению медсестры Стацюк, вспоминает вдруг о ямочке на щеке сына. Характер очень интересный. Хоть она ведет разболтанный образ жизни — глаза уродует тушью, с мужчинами при посторонних целуется, твисты выплясывает, — но материнские чувства в ней зреют.

Кульминация пьесы: Егоровы узнают, что ребенок не их, а Бакушева — что ее сын у Егоровых. Конфликт разрешается с помощью судебно-следственных органов. Оказывается, героиня преступила закон. Появляется третий по значению герой пьесы, после Гальковской и Ланового, — следователь прокуратуры, которая все объясняет.

Она так и говорит недоумевающей Гальковской:

— Надо было взять письменный отказ у Бакушевой.

Судьба героини теперь полностью зависела от воли Бакушевой. Нужна была ее справка об отказе от ребенка. Зал трепетно затих, гадая, пойдет или не пойдет он с Бакушевой в разведку. Лановой, глубоко верящий «в цепную реакцию доброты», высказывает необычайно остроумную мысль о том, что «не та мать, которая родила, а та, которая воспитала».

Эта мысль пристыжает Бакушеву, и она дает письменный отказ. Все заканчивается полюбовно. Даже вызревает свадьба Гальковской с Лановым. Тут уж ничего не возразишь — требование жанра.

Конечно, не всякому по плечу смотреть такой накал страстей. Находятся скептики, которые говорят, что никаких страстей, мол, и вовсе нет. Что догадайся героиня взять справку у Бакушевой, то и драму, мол, писать не надо было.

Я допускаю, что автор применил некоторую условность. Гальковская не первоклашка в медицине и наверняка знала, как поступить, когда от ребенка отказываются. Чай, не первый год врачом работает. А автор сделал так, будто бы не знала. Ну, есть малюсенькая натяжечка, а ведь остальное, как в жизни... И ребеночек есть, и люди хорошие, и представитель прокуратуры гуманный. И даже мораль есть типа: «Не ходите, дети, в Африку гулять...» Правда, малюсенькая мораль. Ну, что ж, какая есть...

О. АРТЫНСКИЙ

Крокодил помог

ЭТОТ БЫВШИЙ САРАЙЧИК

На снимке, опубликованном в «Крокодиле» № 32 за прошлый год, читатели увидели сарайчик с дырявой крышей и щелями в стенах. Так выглядел аэровокзал в поселке Селижарово (Калининская область).

Заместитель председателя исполкома Калининского областного Совета депутатов трудящихся тов. Н. Гусев сообщил нам, что в настоящее время подготовлена документация на строительство помещения аэровокзала в поселке Селижарово. Строительство начнется во втором квартале 1971 года.

«СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ»

Действительно, такое случается не часто. В ремонтно-строительном управлении проходила профсоюзная отчетно-выборная конференция. А после конференции вздумалось прежнему и вновь избранному составу, забыв былые распри и обиды, отпраздновать это событие. Собрались в ресторане «Отдых». Выпили, закусили, потанцевали под звуки общественного баяна и разошлись. Инженер Д. Н. Коновалов, один из участников конференции, тоже отправился домой, захватив с собой баян. Потом он заявил, что подвергся нападению бандитов, которые якобы отобрали у него баян и плащ.

Этой детективной истории был посвящен фельетон «Средь бела дня» («Крокодил» № 2).

Как сообщает и. о. начальника ремонтно-строительного управления № 40 тов. А. Линьков, случай этот обсуждался на бюро Верх-Исетского райкома партии и партийном собрании РСУ. Д. Коновалову объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Он уволен из РСУ.

Строгие партийные взыскания получили также бывший главный инженер, бывший председатель постройкома и секретарь парторганизации управления.

Реплики фельетонистам

«ВОНА, ВОНА, ПОГЛЯДИТЕ!» А. МОРАЛЕВИЧА

Прочитала фельетон («Крокодил» № 2) и подумала: конечно, автор прав в том смысле, что негоже потакать браконьерам. Но как привить отвращение к мехам, украденным у государства, гражданину с естественным тяготением тела (и головы) к теплу? Уже давно в магазинах Томска не увидишь не только чернобурки, но даже зайца или кролика.

Словом, издавая закон, пресекающий спекуляцию мехами, надо одновременно поднажать на заготовительную сеть и торговые организации.

Т. СЕЛЯНИНА

г. Томск.

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧЕМОДАНА» А. СУКОНЦЕВА

Нет, не понравился мне этот фельетон! Автора, видите ли, заинтересовали чемоданы, которые теряются по вине Аэрофлота!

А хозяева чемоданов? Пассажиры, которые сутками, к примеру, теряются в гуще невыспавшихся своих товарищей по несчастью и при наличии самой сверхлетной погоды!

Пишу эти строки, вот уже сорок восемь часов расхаживая по надежному полу Новосибирского вокзала и держа в руках билет двухсуточной давности на рейс № 2316, который уже четыре раза отменялся...

Г. МОНАХОВ

ЕГО ЗОВУТ ТОЛИК...

Случится же такое

В. А. Годков, водитель 5-го московского таксомоторного парка, не раз с возмущением говорил своему сменщику А. М. Воронину:

— Ну уж эти мне пешеходы! Так и норовят нырнуть под машину. То и дело подводят нашего брата. Не знают, как трудно нам иной раз избежать наезда.

Сменщик эту неприязнь разделял полностью.

— В Московской области за прошлый год 777 происшествий было из-за этих пешеходов, — поддакивал он. — Я почему запомнил, — три семерки!

Короче говоря, в этом вопросе у обоих водителей разногласий не было.

...В тот день работы хватало. Уже начинало смеркаться, когда Годков, высадив очередного пассажира в поселке Малаховка, выехал на Апте-карскую улицу. По случаю гололеда он плелся «рысцою». К счастью, и пешеходов не было. Только какой-то дядька, покачиваясь, брел по обочине. На всякий случай Вадим Алексеевич слегка посигналил.

И тут произошло неожиданное. Пешеход обернулся, взмахнул руками и внезапно бросился к машине, но, поскользнувшись, рухнул под колеса.

Пьянчугу спасла только мгновенная реакция водителя. Годков резко вывернул баранку влево, и машина ММТ-51-72, жалобно взвизгнув всеми тормозами, прочертила покрышками след прямо перед носом упавшего. Далее последовал сильнейший удар в столб осветительной сети.

Даже несведущий в автотранспортных делах легко может себе представить, что осталось от машины, если бетонный столб переломился, как спичка.

Чудом уцелевший водитель выскочил из остатков своей машины, не помня себя от ярости подскочил к пешеходу и...

Когда вездесущие работники ГАИ прибыли на место происшествия, они увидели виновника аварии, сидящего на поваленном столбе. Рядом с ним стоял злосчастный Годков. У гуляки-пешехода уже заплывал левый глаз, но настроен он был благодушно. Правда, ничего вразумительного произнести ему не удалось, и на все вопросы он, кротко улыбаясь, отвечал:

— А меня зовут Толик!..

— Вы знаете этого человека? — спросил автоинспектор у Годкова.

— Век бы его не знать! — в сердцах ответил тот.

Язык не поворачивался сказать, что пьяный виновник аварии — его, Годкова, сменщик, Анатолий Михайлович Воронин...

— Меня зовут Толик, — твердил тот, прикладывая к подбитому глазу пригоршню снега.

К. ОБОЛЕНСКИЙ

— Мы, Клавочка, по маленькой!

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

З. ЮРЬЕВ

Когда он шел своей неторопливой походкой по улицам Спрингфилда, приветливо улыбаясь знакомым, матери незаметно дергали за руки детишек и возбужденно шептали:

— Смотри, вот идет мистер Пол Пауэлл, самый честный политический деятель в штате Иллинойс.

— Нет, что ни говорите, — качали головами мудрые спрингфилдцы, — а все-таки если человек честный, он и в политике останется честным. Сорок два года на выборных должностях, и ни разу наш Пол Пауэлл не был замешан ни в одном скандале. Ни разу у него на рыльце даже следа пушка не было.

— Заметьте, наш честный Пол даже акций никогда не приобретал. Кристальной души человек. Воротит его от биржи...

Но вот наконец с мистером Пауэллом случилось то, что раньше или позже случается со всеми, даже с политическими деятелями самой наилучшей репутации: в возрасте шестидесяти восьми лет, вдовый и бездетный, он отдал богу душу.

Мистер Джон Рендельман, казначей университета в Эдвардсвилле, друг и душеприказчик покойного, обливаясь слезами, вошел в номер гостиницы, в котором жил свои последние годы мистер Пауэлл. Две небольшие комнатки, почти спартанская обстановка. «Боже, — подумал душеприказчик, — какая же, однако, у него была печальная старость! Один, все время один, без заботливой женской руки, без уюта, который мог бы скрасить его одиночество! Единственное, чем он, наверное, утешался, было сознание, что всю свою долгую жизнь он отдал бескорыстному служению народу».

— Ну что же, джентльмены, — вздохнув, сказал он двум своим спутникам, пришедшим для составления описи имущества покойного, — приступим к нашему последнему грустному долгу.

— Право же, мистер Рендельман, судя по обстановке, долго писать нам не придется. Может быть, вы и сами управитесь?

— Нет уж, джентльмены, порядок есть порядок.

Записав в реестр несколько книг, настольную зажигалку и пишущую машинку марки «Ундервуд», душеприказчик открыл шкаф. Три костюма, два пальто, шляпа, несколько коробок из-под обуви.

— Давайте посмотрим, что там в коробках, — сказал мистер Рендельман. — Может быть, покойник хранил в них письма или какие-нибудь бумаги, представляющие интерес для общества? Может быть, политическое завещание?

Он развязал веревочку, открыл первую коробку и почувствовал, как во рту у него мгновенно пересохло, а руки мелко задрожали, словно к ним подключили ток.

Коробка была набита деньгами. Вторая — тоже. И третья, и четвертая, и пятая, и шестая...

Четыре часа, пристально следя друг за другом, они считали деньги. А когда закончили и вытерли пот со лбов, на столе лежало восемьсот тысяч долларов.

Штат Иллинойс вооружился карандашами. Поскольку покойник никогда не получал более тридцати тысяч в год, а, кроме сокровища в обувных коробках, в других местах были обнаружены ценности еще почти на полтора миллиона долларов, встал вопрос: как неподкупный Пауэлл ухитрился сколотить столь увесистый капиталец?!

Даже если бы все сорок лет, в течение которых он был и спикером законодательного собрания штата, и лидером меньшинства, и секретарем штата, он питался одним азотом, непосредственно усваивая его из воздуха, ходил бы наг и бос и ночевал круглый год под иллинойским небом, и тогда бы он не смог скопить того, что нашли после его смерти.

В мире, разумеется, есть много до сих пор не разгаданных тайн. Нам сдается, однако, что вопрос о том, как мистер Пауэлл нафаршировал коробки из-под обуви сотнями тысяч долларов, к ним не относится. Вспомним хотя бы Бобби Бейкера, бывшего секретаря демократического большинства сената США. Совсем недавно, спустя четыре года после осуждения за мошенничество, он по пути в тюрьму любезно дал интервью Хью Сиди, директору Вашингтонского бюро журнала «Тайм».

«Со смехом, — пишет Сиди, — Бейкер вспомнил, как он был свидетелем маленькой операции в здании сената. Один сенатор передал своему коллеге, честность которого не подвергалась сомнению, десять тысяч долларов. Угрызения совести терзали получателя ровно столько, сколько времени ушло на то, чтобы положить деньги в карман».

Заметьте: «честность которого не подвергалась сомнению»! Точь-в-точь те же слова, которые не раз говорились о покойном Пауэлле! Сенатор Икс, надо думать, поопытнее покойника и вряд ли тратит свои гонорары для набивки старых коробок из-под обуви. Тем более Вашингтон не Спрингфилд. Должна же столица чем-нибудь отличаться от провинции! Хотя бы методом хранения взяток.

Тот же Бобби Бейкер в том же интервью говорит: «Пути финансирования политических деятелей являются нашим национальным раком... Люди продают свои души. Им приходится это делать».

Твердого прейскуранта на души американских политических деятелей, как известно, не существует. Это, так сказать, товар индивидуальный, штучный. Но мы по крайней мере знаем, что́ стоила душа мистера Пола Пауэлла. Возможно, сейчас, уже на том свете, она котируется не столь высоко. Как-никак в аду у нее солидная конкуренция. Но в Спрингфилде, столице штата Иллинойс, душа мистера Пауэлла шла нарасхват. И, надо думать, не одна она.

НА СУЭЦКОМ КАНАЛЕ

Рисунок А. КРЫЛОВА

В КИНО КОРОТКИМИ ПЕРЕБЕЖКАМИ

Выйти вечером на американскую улицу — дело, как известно, опасное. Могут запросто пристрелить. Поэтому, когда семья Смитов решила сходить в кино, она приняла меры предосторожности.

— Двинемся боевым строем, — сказал глава семейства. — Впереди я с двумя пистолетами, сзади жена со скорострельной винтовкой, а детишек, вооруженных охотничьими ножами, расположим на флангах.

— Может, прихватить базуку? — предложила жена. — Вот Джонсы на прошлой неделе легкомысленно отправились гулять в городской парк недовооруженными. Только при кастетах. До сих пор валяются в госпитале.

— До кинотеатра пятнадцать минут ходу, причем все освещенными улицами, — прикинул глава семейства. — Имея на руках два пистолета и скорострелку, мы пробьемся.

Мистер Смит проверил боеприпасы, раздал пакеты первой помощи, и они выступили.

Шли напряженно. Один раз, казалось, не миновать беды. На центральной улице три автомобиля перегородили путь, ощетинясь разнокалиберными стволами. Смиты распластались на тротуаре и приготовились к битве. Но все кончилось легче, чем они ожидали. Нападавшие дали несколько очередей поверх голов, бросили в Смитов гранату со слезоточивым газом и укатили, звонко хохоча. Скорее всего то была невинная проделка развлекающихся школьников.

Смиты попали бы в кино, если бы перед самым входом маленький Томми не выронил спрятанный под курткой пистолет-пулемет.

— Негодяй, — простонал папа Смит, — ты утащил личное оружие бабушки Мэри. Чем она станет оборонять дом в наше отсутствие?

Пришлось спешно возвращаться.

Ю. ЛЕЩЕВ

Законы Питера

Как автор знаменитых «законов Паркинсона» Паркинсон, так и открыватель «законов Питера» Питер — реальные лица. Более того, последний весьма заметная фигура (1 метр 95 сантиметров роста). Внимание американской публики профессор Колумбийского университета Лоуренс Т. Питер привлек открытием ряда закономерностей в структуре различных учреждений США.

В своей написанной с юмором книге профессор Питер установил, что некомпетентность, иначе говоря, неумение делать свою работу, является мощным двигателем на пути подъема по служебной лестнице. Тщательный анализ шкалы зарплат и порядка назначения служащих позволил ему вывести следующий закон:

Всякий служащий в многоступенчатой иерархии стремится подняться до уровня своей некомпетентности.

Из основного закона вытекает следствие:

Со временем всякий пост будет занят работником, неспособным с ним справиться.

Примеры из истории легко подтверждают это.

Макбет, способный военачальник, стал некомпетентным королем.

Нерон, инициативный император, оказался никудышным театральным режиссером.

И так далее.

Иерархология неизбежно приводит к выводу, что любая организация функционирует тем успешней, чем дальше руководство отстранено от ее деятельности.

Феномен этот парадоксален лишь на первый взгляд. Питер подробно описывает случай, когда одна известная радиокорпорация смогла добиться высокой эффективности только после того, как сконцентрировала весь некомпетентный руководящий состав в специально построенном здании, получившем наименование «Правление». Здание было отнесено на несколько километров от радиостудий. Состав правления был максимально загружен работой: он готовил доклады, вычерчивал графики, устраивал конференции и летучие совещания, но только между собой.

Питер полагает, что наиболее действенный путь повышения эффективности работы системы — это «снятие наверх». Иными словами, присвоение некомпетентному сотруднику более высокого должностного звания. Часто даже без повышения оклада. Такие звания, как «член наблюдательного совета», «специальный помощник» и т. п., позволяют нейтрализовать работника, достигшего уровня своей некомпетентности, не нанося ему при этом морального ущерба.

Известен случай, продолжает Питер, когда весь персонал одного правительственного учреждения был передан другому ведомству. За исключением директора. Тот продолжал работать один. Так было экспериментально доказано, что штат не обязателен.

В процессе разработки иерархологии Питер исследовал и деятельность «автоматов». Что может быть критерием компетентности? Только решение, принятое служащим в **порядке инициативы.** И наоборот: точное исполнение инструкции свидетельствует о «профессиональном автоматизме». Часто приходится слышать, говорит профессор, как больничная сестра будит больного словами: «Проснитесь! Вам полагается принять снотворное!» Стал достоянием гласности случай с бедным ирландцем О'Брайеном, который одиннадцать месяцев жил на своем катере в бухте Макао: он потерял разрешение на въезд, а без него ему не могли дать разрешение на выезд.

Тщательно следуя букве инструкции, автомат будет продвигаться по служебной лестнице все выше и выше, пока наконец ему не придется принять какое-нибудь решение. Тут-то он и достигнет уровня своей некомпетентности.

Исследования Питера показали, что иерархия часто не в силах предоставить работнику пост, на котором он смог бы проявить свою некомпетентность. В этом случае, замечает профессор, работник стремится уйти с вершины одной иерархии в другую, скажем, из армии в издательский бизнес, из театра в политику и т. д.

На это можно возразить, говорит Питер, что сознательный работник может отказаться от повышения до уровня своей некомпетентности.

Однако такой отчаянный шаг не проходит даром. Вот типичный случай с мистером Ломеном. Примерный служащий, отец счастливого семейства, он отказался от повышения. Последствия не замедлили сказаться. Сотрудники стали считать м-ра Ломена подверженным комплексу неполноценности. Юный сын м-ра Ломена, которого стали дразнить в школе, подрался с одним из соучеников и выбил ему зуб. Последовавшее судебное разбирательство плюс счет от дантиста обошлись м-ру Ломену в 1 100 долларов. Жена предпочла развестись с ним...

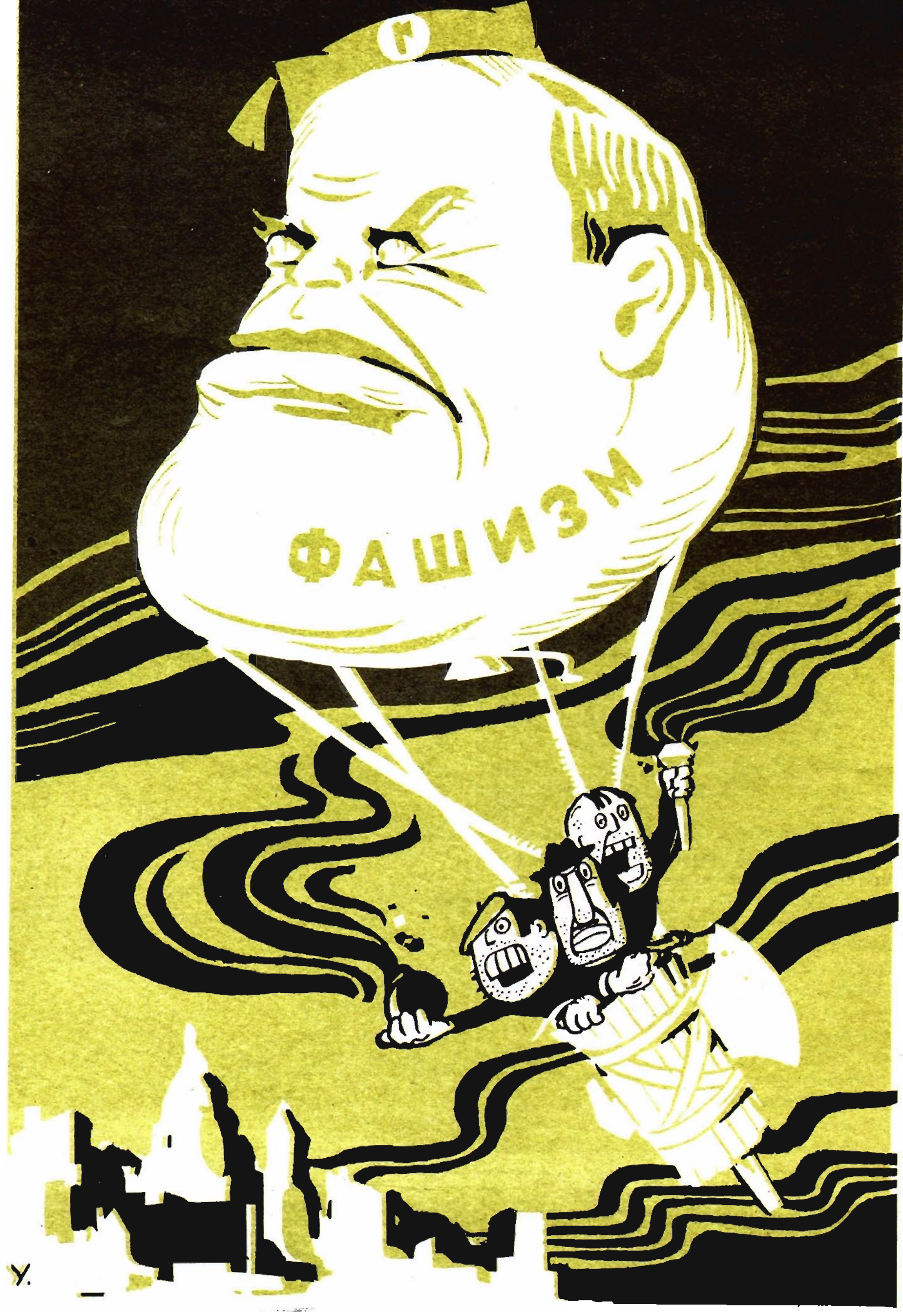
Чтобы избежать подобных трагедий, профессор разработал систему рекомендаций, получившую название «защита Питера». Работник, подозревающий о предстоящем повышении, должен начать проявлять странности в поведении: оставлять незапертым рабочий стол, терять служебные бумаги, разговаривать сам с собой в коридоре и т. д.

Один способный инженер долго избегал продвижения по службе тем, что ставил свою машину на место, помеченное табличкой «Только для генерального директора». Другой обезопасил себя от повышения тем, что просил свою жену передразнивать визгливый смех супруги президента компании на ежегодных обедах для служащих.

При всех случаях «защита Питера», по мнению автора, открывает более широкие возможности для инициативы, чем традиционная борьба за продвижение по службе.

Краткое изложение «законов Питера» подготовил

М. БЕЛЕНЬКИЙ

Подъемная сила. Рисунок М. УШАЦА

ЛОНДОН. Английская газета «Обсервер» напечатала письмо читателя, в котором говорится: «В вашей уважаемой газете я прочитал сообщение о том, что мистер Сэмюэль Беккет, знаменитый писатель, нобелевский лауреат, написал пьесу «Вдохновение», исполнение которой длится ровно 30 секунд и в которой нет никакого действия и никаких диалогов. В этой связи я хотел бы сообщить, что недавно я нарисовал картину, в которой нет ни полотна, ни рисунка, ни цвета, а есть только рама. Называется моя картина просто: «Ветер».

БОНН. В информационном листке яхт-клуба Химзе (ФРГ) президент клуба и его заместитель прославляются так:

«Оба закалены войной... В то время как летчик пикирующего бомбардировщика майор Лудешер атаковал русских с фронта, капитан горнострелковых подразделений Эпекауер подавлял позиции противника с фланга. Сегодня они отлично дополняют друг друга на благо нашего спортивного сообщества».

Итак, однажды эти господа яхтсмены уже пускали пузыри. Неужто хочется еще раз?

НЬЮ-ДЖЕРСИ (США). Своеобразное «товарищество на паях» организовали заключенные и надзиратели местной тюрьмы. Заключенные печатали в тюремной типографии фальшивые десятидолларовые купюры, а стражники тайком сбывали товар «на воле». Фирма была раскрыта, когда после 12 лет отсидки освободился один из заключенных. Заработанные им за эти годы деньги ему выплатили «валютой» тюремного производства. Вот тогда-то разгневанный бывший арестант и разоблачил своих коллег.

В. КОРШИК

...И ЕЩЕ ДВЕНАДЦАТЬ УЛЬЕВ

В уфимский магазин «Спорткульттовары № 1» простоватого парня Алексея Зайцева загнал осенний дождь. Шмыгая простуженным носом, он долго околачивался возле прилавков, пока внимание его не привлекло окошечко с надписью «Продажа автомобилей». Весело свистнув, заинтригованный Зайцев подошел поближе и любопытства ради спросил:

— Может ли магазин купить у частного лица автомобиль «Москвич» вместе с дефицитным мотоциклом «Урал»?

— Разумеется, если вы перестанете свистеть,— ответил товаровед и захлопнул окошко.

— Мерси,— поблагодарил Зайцев и, улыбаясь, направился к выходу.

У дверей его остановили двое. С одной стороны к нему стремительно бросился экспедитор ресторана «Башкирия» Федор Григорьевич Матюшин, а с другой — товаровед ресторана «Россия» Михаил Иванович Шевкунов.

— Если не секрет, почему вы продаете технику? — поинтересовался Шевкунов.

— Откуда вы взяли, что я продаю? — обиделся Зайцев.

— У вас автомобиль и мотоцикл,— тихо прошептал Матюшин.— Не хитрите!

И простоватый парень Алексей Зайцев не стал хитрить. Припертый неопровержимыми фактами, он во всем сознался. Затем, уже в ресторане, представившись на всякий случай Николаем Воробьевым, он охотно рассказал о себе более подробно.

— Перед вами сидит, можно сказать, круглый сирота. Отец мой — председатель Янаульского райисполкома Воробьев угорел на днях в собственной бане. Разумеется, пышные похороны, залез в долги, и теперь вот приходится продавать колесную технику.

После непродолжительного молчания, во время которого круглый сирота жадно грыз антрекот, Матюшин и Шевкунов повели очень тонкий разговор о том, что технику выгоднее продать не государству, а частным лицам. При этом кандидатами в покупатели, естественно, выдвинули себя. Матюшин изъявил желание купить мотоцикл, а Шевкунов — автомобиль.

— В принципе я не против,— сказал простоватый парень.

— Вот и прекрасно,— обрадовались покупатели и в качестве задатка тут же выложили на стол 400 рублей.

Спрятав деньги в карман, простоватый Коля смутился и, между прочим, ни с того ни с сего рассказал, что, кроме мотоцикла и автомобиля, после отца остались еще 12 ульев.

— Шесть из них я подарю вам, Федор Григорьевич, а шесть — Михаилу Ивановичу.

Хотя подарок глубоко тронул обоих покупателей, тем не менее подозрительный Шевкунов потребовал показать документы. Порывшись в кармане, круглый сирота извлек затрепанное удостоверение тракториста. Тогда у него спросили: отчего в удостоверении написано Алексей Зайцев, а не Николай Воробьев? Простоватый парень упавшим голосом ответил, что у него две фамилии: одна — по отцу, другая — по матери.

— А как же с именами? — поинтересовался Матюшин.

— И имени два,— прошептал Зайцев.— Бывает... Грустно все это.

— Действительно... — согласились собеседники.

Потом, когда на суде у Федора Григорьевича спросили, как они, взрослые люди, могли поверить такой галиматье, Матюшин ответил вполне определенно:

— Зайцев был такой простецкий рубаха-парень, что нам и в голову не пришло, будто он обманывает... Вообще мы мало думали об этом. Просто, знаете, нам не терпелось поскорей посмотреть технику!

Технику, впрочем, они так и не увидели. Прилетев вместе со своими новыми знакомыми в Янаул, «круглый сирота» загрустил так сильно, что его пришлось отпаивать коньяком.

— Веди! — решительно приказал Шевкунов.

Возле средней школы Зайцев попросил их подождать.

— Я только на одну минутку,— промолвил он.— Надо предупредить невесту. Она работает в школе уборщицей.

Из школы, как и следовало ожидать, он бежал черным ходом.

Долго еще под веселыми янаульскими звездами ждали Михаил Иванович и Федор Григорьевич пропавшего Колю, а потом по очереди расспрашивали прохожих, знают ли те дом угоревшего в собственной бане председателя райисполкома Воробьева. Прохожие, естественно, не знали.

В милиции над покупателями из Уфы посмеялись, затем посадили на мотоцикл и повезли по городу искать беглеца. Но Алексея Зайцева не надо было искать. С бутылкой водки в руках он храбро шел навстречу мотоциклу. Денег при нем не оказалось. Все спустил в ресторане. Сначала пил сам, затем угощал других, а под конец стал раздавать деньги всем желающим.

— Привет! — крикнул он, узнав Матюшина и Шевкунова.— Ну как, купили технику?.. Это случайно не мой мотоцикл?

Нет, он не отпирался. И по просьбе Михаила Ивановича и Федора Григорьевича на следующий день даже дал им расписку, что взял деньги. Опять же по их просьбе оформил ее задним числом. Словом, вел себя до известной степени благородно. В свое оправдание на суде сказал только одно:

— Сами они заставили меня врать. Пристали: продай технику... А откуда она у меня? Что я, как Матюшин и Шевкунов в ресторане работаю?..

Не отрицали своей вины и покупатели. Шевкунов на суд не явился. Стыдно стало. А Матюшин, когда ему предоставили слово, горячо попросил не лишать Зайцева свободы...

Суд приговорил Зайцева к условной мере наказания.

Перед тем, как возвратиться в родной Янаульский район, Зайцев решил заглянуть в магазин «Спорткульттовары № 1». Так, из любопытства. Но не заглянул. Через окно магазина он увидел внутри знакомые лица Михаила Ивановича и Федора Григорьевича. И простоватый парень Алексей Зайцев стремительно заспешил домой.

г. Уфа.

— Эй, держи весло!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

В. ЯКОВЛЕВ,
редактор чувашского
сатирического журнала «Капкан»

К 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

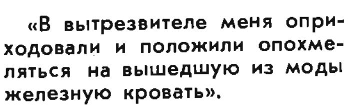
Дружеский шарж В. ЕМЕЛЬЯНОВА

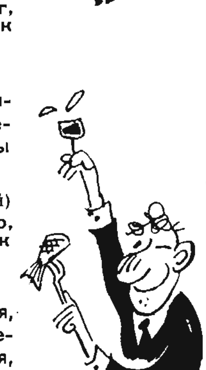
НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«17 января 1971 года в квартире пропали сапоги дамские 27-го размера. Пропажа произошла около 12 часов, во время просмотра спектакля «Этого могло не случиться».

(Из заявления в милицию)
Прислал Р. Розенберг,
г. Архангельск

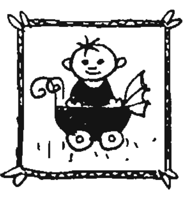

«В вытрезвителе меня оприходовали и положили опохмеляться на вышедшую из моды железную кровать».

(Из объяснительной)
Выписал А. Матвиенко,
г. Владивосток

«Назначенная на сегодня, 12 февраля, картина «Македонская свадьба» отменяется, потому что у соседа тоже свадьба, и я не могу вам показать этот фильм.

Киномеханик»
Прислал Л. Шкворенко,
Николаевская обл.

«Если Вам нужно увеличить семью, наш фотограф это сделает моментально».

(Из объявления фотоателье)
Прислал В. Ричняк,
г. Махачкала.

«Свекровь! Сколько толков и пересудов, волнений и тревог вызывает это слово у девушек, готовящихся к семейной жизни. Есть среди них злые, придирчивые, у них невестка должна быть под старушечьим каблуком. К сожалению, подобных «домоправительниц» у нас не так уж много».

Газета «Новый путь»,
Камышнинский район,
Кустанайской области

Фото В. Кратова
г. Черкесск, салон «Красота»

Гр. клиенты!
У мужчин с длинными волосами кресло в дамском зале, направо в левом углу.

(Объявление в парикмахерской)
Прислал В. Евстафьев,
г. Йошкар-Ола

МИМОХОДОМ

— Этому человеку многое дано! — говорили следователи о взяточнике.

Книгу жалоб по первому же требованию... прятали.

Так торопился защитить диссертацию, что среднюю школу не успел окончить.

— Простите, это бюро добрых услуг?
— Да. А какого лешего вам надо?

Л. МИТНИЦКИЙ

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Владимир ШАМША

Опять Петров нетрезвым был.
Опять бессовестно хамил.
И, чтоб наказан был Петров
(Всем прочим в назидание),
Собрался экстренно местком —
Шесть знаков препинания.

Первым высказался так
Вопросительный знак:
— Да? Хамил? А почему?
Делать нечего ему?

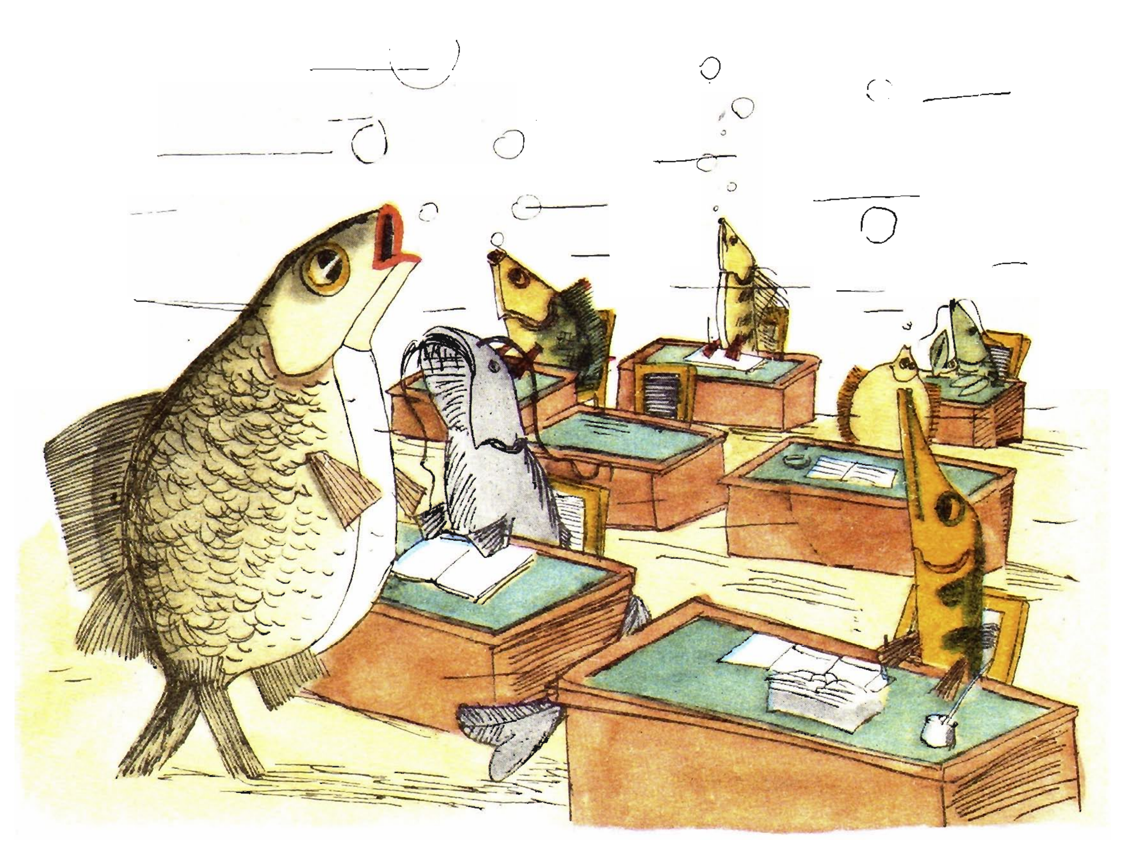
Восклицательный знак
Произнес: — Позорный факт!

Пропела Запятая:
— Нельзя, конечно, пить,
Но, даже выпивая,
Культурным нужно быть.

Двоеточие сказало:
— Я считаю: фактов мало.

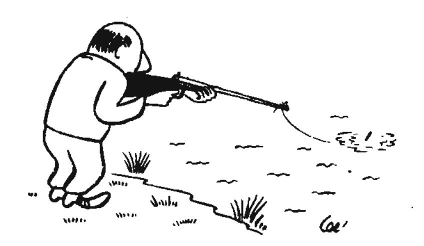
— К тому ж... они...
просрочены...—
Включилось Многоточие.—
И я... прошу... в решение
Внести... мое... сомнение...

И стали дальше обсуждать
Вопрос без проволочки.
Забыли только слово дать
Простой и точной Точке.

— А воблы опять нет?

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

Наверняка...
«Асахи дианару». Япония

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Борис ЦВЕТАНОВ (Болгария)

ПОЧЕМУ ЖЕ?

Продавщица подала ему пачку масла и улыбнулась. Взяла деньги, вернула сдачу и опять улыбнулась. Это его встревожило. «Пиджак, что ли, застегнут криво?» — подумал он. Проверил — все было в порядке. Заодно посмотрел на брюки — тоже ничего похожего. Тогда он подошел к огромному зеркалу посреди магазина и тщательно изучил свое отражение. Но и на сей раз ничего подозрительного не заметил. Объятый сомнениями,— может, это галлюцинация? — он снова подошел к прилавку и попросил пачку кофе. Продавщица с улыбкой подала ему кофе и взяла деньги. Нет, безусловно, что-то было не в порядке! Страшно встревоженный, он удалился из магазина и неверной походкой побрел сам не зная куда...

ТОНО (Испания)

ПОСЛЕ ОБЕДА

Выпив положенные на десерт чашечку крепкого кофе и рюмочку хорошего орехового ликера, кто-то из гостей предложил:

— Дон Фелиппе, расскажите какую-нибудь охотничью историю.

И все приготовились слушать мой рассказ.

— Ну что же, друзья мои, — начал я.— Однажды я охотился на зайцев...

Меня перебила жена:

— Ты же знаешь, мне не нравится охота на зайцев. Заяц милый, кроткий, пушистый, зачем же убивать его?

— Так принято, милочка,— продолжал я.— Ну вот, мы были в горах — ведь всем известно, что охота на зайцев особенно увлекательна в горах.

— Какая мне разница, где это было!— вновь перебила меня жена.— Я тебе сказала, чтобы ты не смел охотиться на зайцев, понял?

— Понял, дорогая, но это было еще до женитьбы,— попробовал возразить я.

— Не имеет значения, — парировала жена.— Повторяю тебе: я не желаю, чтобы ты убивал зайцев.

— Хорошо, хорошо.— И я продолжил мой рассказ так, чтобы не злить жену:— Итак, однажды, когда я НЕ БЫЛ на охоте на зайцев...

— А где же ты был в таком случае?— спросила жена.

— Я был на работе, милочка, в конторе,— ответил я, подмигивая гостям, чтобы они поняли, что я все-таки охотился в горах.

— Ну, если на работе, то можешь продолжать,— сказала жена, успокаиваясь.

Вдохновленный ее разрешением, я продолжил:

— Вдруг передо мной появился заяц...

— Как?! Заяц в конторе? — переспросила жена.

— О, я оговорился, милочка, я хотел сказать, что вошел директор... Тогда я вскидываю ружье, прицеливаюсь ему в голову...

— В кого ты прицелился?— раздался голос жены.

— В директора фирмы, — ответил я, еще раз подмигивая моим терпеливым слушателям.

— И что же?— не унималась она.

— Я его убил.

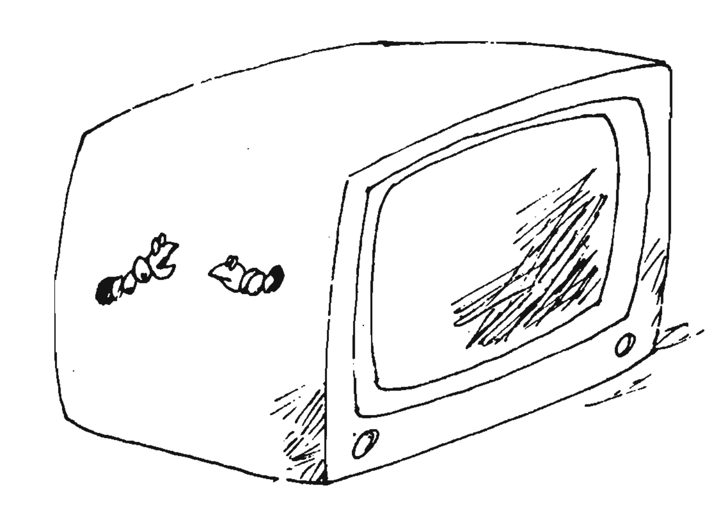
— Кого? Директора?!

— Да. Ты что-нибудь имеешь против?

— Против? Конечно!— закричала моя жена.— Зайцев еще куда ни шло, но убивать директоров — это уж слишком! Вон из моего дома! Чтоб ноги твоей здесь не было!

И вслед за этим она вышвырнула меня из квартиры вместе с гостями.

Мой совет мужьям, у которых несносные жены: забудьте раз и навсегда охотничьи истории.

— А раньше я был книжным червем! «Ойленшпигель», ГДР

Встретились три моряка. Один из них, желая похвалиться перед приятелями, сказал, что в последнее время он плавал на таком большом корабле, что капитан, когда ему приходилось отдавать приказы, ездил по палубе на автомобиле. Другой моряк, махнув пренебрежительно рукой, сказал:

— Это что! А я плавал на таком гиганте, что капитану для того, чтобы отдавать приказания, приходилось летать над палубой на самолете!

— Это все ерунда, — сказал третий. — А я вот последнее время служил на таком корабле, что шеф-повар, желая проверить, сварилась ли картошка, вынужден был плавать внутри котла, где она варилась, на подводной лодке.

●

— Скажите, вы никому еще не читали своих стихов?

— Никому.

— А почему у вас подбит глаз?

●

В зоопарке родился шимпанзе. Старый шимпанзе с неодобрением посмотрел на своего потомка.

— Не расстраивайся,— утешила его жена, — в первые дни каждая обезьянка выглядит, как маленький человек, а потом это проходит.

Молодой человек обращается к отцу своей любимой:

— У меня к вам серьезный вопрос: вы ие согласитесь отдать за меня свою дочь?

— Молодой человек, вы пьете?

— Спас[illegible]йте сперва уладим то дело!

●

— Эх, хорошая была футбольная команда в нашем городе! Почему о ней теперь ничего не слышно?

— Распалась.

— Игроки постарели? Или их переманили в другие города?

— Да нет! Просто украли мяч.

●

На лекции по кулинарии лектор сказал:

— Запомните, что у хорошего повара ничего не пропадает. Если, скажем, после банкета осталась недоеденная тушеная морковь, боже сохрани ее выбрасывать! Кое-что добавив, из нее можно испечь неплохой пудинг. Вопросы есть, господа?

— А что делать, если останется недоеденный пудинг из недоеденной моркови? — спросил кто-то.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Иожеф ВЕТЭ (Венгрия)

ИЗ БЛОКНОТА САТИРИКА

Ветер достоин зависти: он всегда сам решает, в какую сторону дуть.

Дискуссии дают участникам возможность укрепиться в своих заблуждениях.

Иной раз начальника считают хорошим до тех пор, пока он не научится разбираться в деле.

Он чрезвычайно рассердился на меня, когда узнал, что я о нём такого же мнения, какого он обо мне.

КРОКОДИЛ

№ 10 (1984)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: Ю. Андреев, М. Вайсборд, О. Ведерников, В. Каневский, А. Скотаренко, Л. Сойфертис, И. Сычев, В. Тильман, М. Ушац, Е. Шабельник.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)

Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 22/III 1971 г. А 00863. Подписано к печати 30/III 1971 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 010 000 экз. (1 завод: 1—3 606 100). Изд. № 862. Заказ № 912.

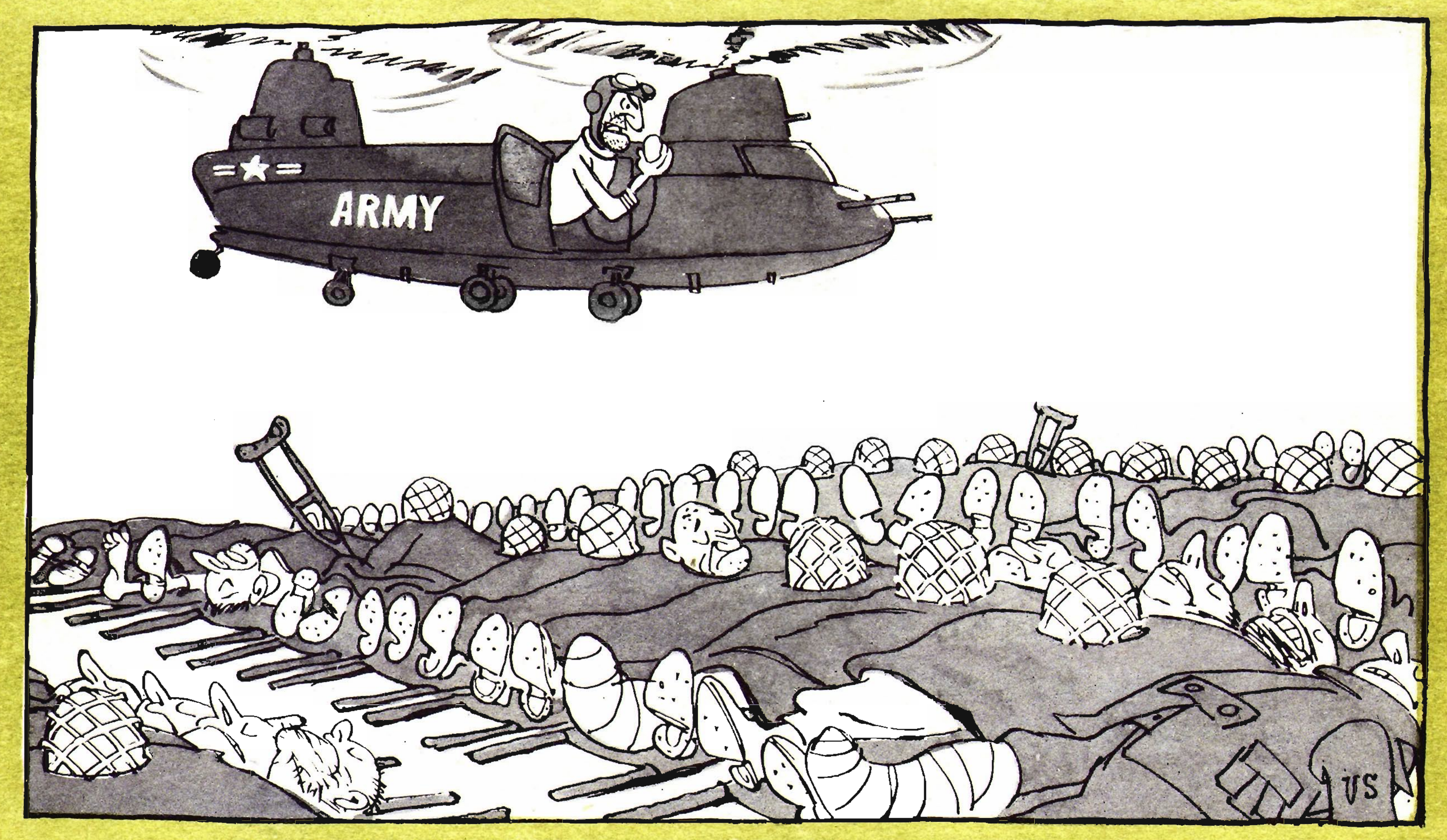
■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

— Ваша задача — прикрывать пятую сайгонскую дивизию.

— Докладываю: пятая дивизия уже прикрыта!